

ВИТАЛИЙ ОСТАНИН

КНЯЗЬ БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ
КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРОРОК

Виталий Сергеевич Останин
Пророк
Серия «Князь
Благовещенский», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51344944

Аннотация

Этот мир успел стать для меня почти родным, но лягаться, как бешеный не прекращает. И это уже начало серьезно напрягать. За что ни возьмусь, обязательно вляпаюсь в неприятности! Да не в простые, а мирового масштаба. Раньше все как-то проще было: заговоры, тайны, интриги... Красота, одним словом! А теперь меня похитили религиозные фанатики, которые намерены вернуть население планеты в пастораль средневековья. И я в их планах ключевой элемент. Только зря это они. Лучше бы тигра в клетке держали. Все безопаснее, чем пророка.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	45
Глава 4	66
Глава 5	86
Глава 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Виталий Останин

Пророк

Пролог

– Такой шанс упускать нельзя, – сообщил человек водам Амура и щелчком отправил в них наполовину выкуренную сигарету. – Может я и не смогу вернуться, но... возможны варианты.

Высокий, тёмноволосый, чуть полноватый мужчина лет тридцати стоял на набережной реки уже около часа. Он почти не двигался и довольно часто курил. За проведённое у кованной решётки время в свинцовые воды Амура отправилось уже шесть окурков. Человек размышлял.

Его не особенно заботил холодный октябрьский ветер, выжимающий из глаз слёзы и треплющий полы тёплого пальто. Не волновал находящийся в самом разгаре рабочий день. Не тревожили мысли о множестве дел, которые предстояло решить сегодня. Мужчина даже телефон отключил, чтобы ничто не могло прервать его размышления. Или разговор с самим собой. Хотя... Размышления – это ведь и есть разговор с собой.

– Реабилитация возможна, если я смогу вытащить этого идиота из дыры, куда он себя затолкал, – продолжил человек

негромко. Легонько пнул ногой ограждение, не в раздражении, скорее в попытке немного согреть ноги. – После открытия дара о прямом возвращении и говорить нечего. Князь не променяет пророка на смутьяна, сколь бы не была дорога родная кровь. Значит – чужое тело. Нарышкин говорил, что это возможно в теории. Значит надо сподвигнуть подмышка на детальный разговор с москвичом. После. Когда он окажется на свободе. Да, так и поступим.

Он вынул из кармана пальто пачку сигарет и чертыхнулся, обнаружив, что выкурил последнюю. Аккуратно донёс картонную коробочку до урны. Вытащил из другого кармана телефон, пробудил его долгим нажатием. Ещё раз выругался, обнаружив на ожившем экране три пропущенных вызова от абонента «Сам».

– Или не стоит? Кем бы я не вернулся в домой, на мне всегда будет клеймо предателя. Меня не подпустят ни к власти, ни к деньгам. Будет только пустое прозябание под постоянным контролем, и это в лучшем случае. Если вернусь... Здесь же надо мной никого, кто знает правду. А значит, никого, кто может помешать. Что же выбрать?

Некоторое время мужчина ещё крутил в руках телефон, после чего нажал на последний пропущенный вызов.

– Что-то случилось, Николай Олегович? – спросил, направляюсь к неподалеку припаркованному серому кроссоверу «Infiniti». Голос мужчины был спокоен. С недавних пор он мог себе позволить пропустить звонок от губернатора об-

ласти. Было бы странно, будь иначе, умение ставить себя он считал врожденным. – Мне надо было подумать и я отключал телефон.

– Хотел с тобой посоветоваться по нашему проекту. Возникли, как мне кажется, осложнения, – собеседник никак не выразил своего недовольствия от того, что ему, первому лицу области, не удалось дозвониться до своего пресс-секретаря сразу. – Далеко сейчас?

– Если вы в... правительстве, то в пяти кварталах.

– Подъезжай.

Отключив связь, мужчина позволил себе намёк на улыбку. В этой Параллели всё идёт по плану. Ещё год, и губернатор будет у него с руки есть. А там можно и покинуть здешнее захолустье. Перебраться в Москву. Развернуться уже по настоящему.

Игорь Антошин, бывший обер-секретарь князя Благовещенского и Тындинского, ухмыльнулся уже шире. Его позабавили собственные мысли. В здешнем мире история пошла совсем не так, что сделало Благовещенск не центром международной торговли на азиатском направлении, а сырьевым придатком и провинциальным областным центром. При тех же стартовых условиях, что и в родном мире, здешние князья умудрились никак не использовать уникальные возможности пограничного города.

С другой стороны – одна страна. От Европы до Японии, от северных морей до Империи Мин... Китая. Серьёзная тер-

ритория, огромный потенциал и крайне слабая его реализация. Это можно исправить, Игорь даже примерно понимал как. Но придётся положить на это всю жизнь. И забыть о возвращении в родной мир.

– А может всё-таки именно так и поступить? – произнёс он, остановившись у машины. – Возвращение домой – это тупик. Чем жизнь в глуши отличается от моего сегодня? Да ничем! Но только тут есть перспективы, а дома – я очень не уверен.

Хмыкнув, мужчина сел в машину и завёл двигатель. Рванул с места, заставив испуганно вздрогнуть идущую к набережной мамочку с коляской. Ему нравилось так ездить. Быстро, рискованно и... просто так. Не спеша на встречу, не сбегая от преследования. Просто потому, что можешь.

Глава 1

Урон репутации

Гнев прошёл. Он душил меня все три дня плена, а сегодня отступил. Точнее, избавился от шлаков и примесей, переплавившись в злость. В чистую, холодную и очень расчётливую злость.

«Хотите войны? – посверкивала она ледяными гранями, наполняя всё моё существо решимостью и азартом. – Будет вам война! Решили, что взяли меня за причинное место? Продолжайте так думать!»

Злость напомнила мне, что я уже не тот, кем был чуть больше месяца назад. Прежний я, скорее всего, смирился бы. Сел бы на попу и ждал, пока явится княжеская конница с его же ратью.

«Что я могу поделаться? – спросил бы прежний Антошин, чернильная душа и, нелегко это признавать, довольно нерешительный тип. – Кругом враги, их возможности и решимость просто поражают. А я один и даже даром пользоваться не могу!»

«Для начала – не ныть! – сказал бы ему я нынешний. – Дар – штука хорошая, но мозги же тебе никто десертной ложечкой не выковырял? Включай их и придумывай, как выбраться!»

Три дня, с момента моего похищения доминиканцами, я плыл по течению. Слушал магистра Ордена, смотрел ролики, которые готовили явно для меня, читал, ел, спал и, если кого-то интересует, регулярно посещал уборную. С постоянным призраком за спиной – видящий держался шагах в трёх за моим левым плечом даже там. Он и жил-то в соседней келье, через стенку, чтобы глушить мой дар постоянно. Единственное на что не влияли его способности, так это на визиты моего двойника. Не знаю почему так. Дядя Ваня в своё время сказал, что перенос сознания и встречи в Изнанке, не магия, а какая-то хитрая ментальная техника. И это радовало, а то совсем без союзников в плену было бы кисло.

Орден похитил меня для того, чтобы привлечь на свою сторону. Именно поэтому доминиканцы без колебаний пожертвовали наёмниками на аэропортовской трассе и тремя магами, одним из которых оказался экс-воевода Благовещенского княжества. Мне позволили его победить, пока команда разбиралась с бойцами, после чего на сцене появился синьор Тень и, как беспомощного кутёнка, отправил меня в нокаут.

Зато никто из моих друзей не пострадал. Альдо – так, кстати, именовали ищейку, специально составил план таким образом. Умный, паскуда! Тронь они хоть кого из команды, хрен бы я с похитителями на контакт пошёл. А так – пожалуйста! Все живы и здоровы, Игорь Сергеевич, не извольте тревожиться! Давайте лучше о насущных вопросах по-

говорим? Для озвучивания которых и была затеяна вся эта непростая и весьма кровавая операция.

Вопросы были, что называется, с подвохом. Похитители мои, а точнее отец Доминик – щуплый и седой старикан с лицом доброго дедушки, хотел ни много ни мало – заполнить меня в свои ряды. Падре оказался борцом за мир – магический мир, которому угрожал технический прогресс. Он и его единомышленники даже нашли способ спасти магию. Для этого нужно было всего лишь погрузить людей в благодостное средневековье. Тогда и вырождение в одарённых родах прекратится, более того – уровень магии возрастет на порядок. Да и вообще, люди счастливее станут, трава зеленее и воздух чище! А то, понимаешь, самолёты им, гаджеты!

До сегодняшнего дня я с ним не спорил – смысл? Во-первых, он был долбаным фанатиком. Логика в его словах присутствовала, но была настолько искажённой, что все мои аргументы он бы попросту проигнорировал. А во-вторых, я был уверен, что со дня на день меня вытащат. Я ведь офигенно уникальный юнит, ресурсами, подобными мне, разбрасываться не станет и полный псих, что подтверждали и мои похитители.

Сложностей я не предвидел. В конце концов, у одного из членов сборной имени Антошина, обсидианового копьеносца Ло Яо – пусть бы хитрый китаец и оказался двойным агентом! – имелась моя кровь. С помощью своего дара он мог отследить моё положение где угодно, а уж там и княжеская

дружина подтянется!

И только сегодня, буквально час назад, я понял, что помощь, если и придёт, то очень и очень не скоро. В даре имперского гвардейца оказался неоговоренный изъян – найти меня он не мог.

Как, спрашивается, я об этом узнал? Увидел в видении час назад. Путано как-то выходит...

Сегодня я проснулся ближе к рассвету. Солнце ещё не поднялось, но ночная темнота уже перестала быть непроницаемой. Даже узкое окошко кельи можно было разглядеть – серое пятно на черноте каменной кладки. Зная скорость, с которой в данных широтах наступает рассвет – всё-таки четвёртый день тут, восхода солнца можно было ожидать через полчаса.

За стеной моего жилища едва слышно шуршал дождь, и изредка гортанно вскрикивали какие-то лесные твари. Птицы или звери – в этом вопросе я не особенно разбирался. Монастырь, ставший для меня тюрьмой, стоял посреди джунглей. Южная Америка, мать её! Один из анклавов католиков, которых было в избытке по всему миру. Безлюдное место, рядом, как я понимаю, ни поселений, ни дорог приличных. Самое то, чтобы прятать пророка.

Разбудил меня не ночной концерт обитателей тропического леса – сплю я крепко. И не дурной сон, поскольку сны мне вообще снились крайне редко. За всю взрослую жизнь с десятков случаев всего лишь. К тому же мы только что закон-

чили ночной сеанс связи с двойником, повадившимся меня навещать с регулярностью сестры-сиделки. Я попрощался с ним и вырубился. Причиной внезапного предрасветного пробуждения стали даже не потребности организма. Ночной горшок – спасибо за такое за удобство братьям-доминиканцам – меня пока совершенно не интересовал. Что-то другое прервало мой сон, только вот что?

Поднявшись с узкой лавки, служившей мне постелью, я в задумчивости осмотрелся. Глаза с трудом, но определили каждую деталь убранства кельи: толстая деревянная дверь, распятие над ней, уже упоминаемые ночной горшок, окно и кровать. Всё на своих местах, ничто вокруг не изменилось. Как и во мне: руки-ноги на местах, голова тоже здесь. И тут до меня дошло – дар!

Знакомое шевеление в середине груди я не спутал бы ни с чем на свете! Тёплое, ласковое и, в тоже время, требовательное. Будто любимый и, от того, беспардонно наглый котяра уселся на грудь и теперь всеми отпущенными ему природой способами обращал на себя внимание.

Прикрыв глаза, я обнаружил его – разноцветный водоворот на уровне солнечного сплетения. Толстые жгуты красного и чёрного, совсем немного голубого, тонкие нити зелёного... Клянусь, я видел, как потоки силы складываются во что-то похожее на смайл, демонстрируя радость от встречи! Или это я улыбался во весь рот?

Первый вопрос, который я себе задал – как? Тень спит в

соседней келье и даже во сне блокирует мои возможности – в этом я уже успел убедиться. Вчера, например, и днём раньше я упрямо гнал от себя сон, надеясь, что мой тюремщик заснёт, и ко мне тут же вернётся магическая сила. Чёрта с два! Альдо сладко храпел, пока я боролся со слипающимися глазами, и продолжал работать глушилкой.

Как делал это и сейчас, в смысле храпел – стены в монастыре были хотя и каменные, но звук проводили не хуже перекрытий в типовых панельных коробках моего мира. Остался только один вариант. Видящий всё же терял контроль над собственными способностями при глубоком погружении в сон. Если я правильно помню, у сна есть несколько разных фаз. Перечислить не смогу, конечно, но это и не нужно. Проснуться мой тюремщик уже не сможет!

В тот миг я был готов совершить глупость. Вернувшийся дар опьянил своей мощью, на несколько секунд вышибив из головы все мысли, кроме одной – снести дверь кельи и устроить барбекю! Выжечь к чертям весь этот монастырь со всеми видящими, магистрами и прочими послушниками, виноваты они или нет. Но здравый смысл, он у меня всегда последним просыпается, предостерег. Выключенная глушилка Тени могла быть ловушкой.

«Или проверка,» – подкинул он ещё вариант.

«Какая, нахрен, проверка? – возопила в ответ жажда действия. – Я три дня у них в плену уже! Они проверили всё, что могли, по десять раз! У них видящий, который держит

меня на возможностях ординара всё это время!»

«Тем не менее! Возьми себя в руки и попробуй подумать. Тень мог специально ослабить контроль!»

«Но зачем?»

«Хотя бы для того, чтоб узнать, насколько быстро ты отреагируешь на возвращение дара!»

«И что ему это даст?»

«Уровень твоей реакции и намерения, хотя бы! Я не знаю! Но кидаться очертя голову в атаку, не зная ничего о противнике – глупо!»

«Что предлагаешь?»

«Понаблюдать. Если у него контроль отключается по ночам, значит он и правда спит очень крепко. Тогда можно и о побеге подумать».

«А не проще сейчас войти к нему и сжечь к чертям свинячим?»

«А он сидит на кровати, улыбается и ждёт тебя! Отрубит тебе дар, а поводок для сильно резкого пророка укоротит раза так в три! Не нравится келья? Будет камера в подвале монастыря и ошейник с цепью в стену!»

«Если всего бояться!..»

«А я не призываю бояться! Только подумать! Ну сжёл ты дверь, убил Тень, а дальше что? Сколько в монастыре одарённых? Где находится монастырь? Сколько до ближайшего человеческого жилья? Каковы твои навыки передвижения по джунглям?»

В итоге, здравый смысл, что бывало не всегда, победил. Я признал его доводы и решил повременить с немедленными убийствами. Правда, совсем от применения магии я не удержался. Создал на ладони небольшой пульсар и несколько минут просто наслаждался вернувшимся контролем над даром. А погасив его, хлопнул себя ладонью по лбу. Слышал я, что в заключении человек тупеет, но не думал, что это может произойти со мной, да ещё так быстро.

Если вернулась боевая магия, значит и пророческий дар доступен! Да, я не смогу послать с его помощью весточку своим, не могу указать на своё местонахождение (я и сам его точно не знал), но посмотреть, что делают соратники, был способен. А исходя из увиденного, уже планировать свои действия.

Сказано – сделано. Я сосредоточился, представил как пальцами левой руки сжимаю ладошку Линь и скользнул в пространство, где пересекались друг с другом разноцветные нити. В этот ковёр мироздания, появившийся в моей жизни совсем недавно, но уже ставший привычным и даже родным. Поплутал немного, ища зелень нити своей эльфы, но на глаза упрямо лез густой багрянец незнакомой линии. Решив, что полю лучше знать, что мне нужно именно сейчас, я отдался потоку и влетел... в князя.

Схожим образом произошёл мой первый опыт с пророческим даром. Я тогда сидел в самолёте, летящим в Гуанчжоу, и вдруг оказался в голове у немецкого пророка. Видел его

глазами, ощущал всё его органами чувств, даже его мысли и воспоминания были для меня открытой книгой. Точно так же вышло и с Поярковым.

– Найти его я не смогу. Он очень далеко, – на миг склонил голову mineц. Коротко стриженная макушка вновь сменилась смуглым лицом с «тире» тонких, чуть загнутых по краям усиков.

Помолчал несколько секунд и добавил:

– Мне жаль.

Поярков кивнул, принимая ненужные сожаления и давая своему собеседнику знак, что разговор закончен. Усатый поклонился и исчез с экрана планшета. Но связь не прервалась. Вскоре ушедшего сменило другое минское лицо: мужчина лет тридцати с несколько более пухлыми щеками, чем надлежит иметь правителю, да и вообще мужчине.

Чжю Юань – новый правитель империи, с которым так хорошо нашёл общий язык племянник. В шифрованном разговоре с империей использовалась программа переводчик, которая скрывала настоящий голос minца и заменяла его русской речью. Правда, это давало почти двухсекундную задержку, отчего собеседники были похожи на рыб: сперва беззвучно шевелили губами, и лишь потом слышали обращенные друг к другу слова.

– Как видите, Николай, возможности моего человека не смогут помочь вам в поисках. Я весьма огорчён этим обстоя-

ательством, ведь Игорь стал мне другом.

– Я благодарен и за попытку, Юань. Он не может указать даже общее направление?

– Очень далеко. Возможности данного аспекта копьеносцев не предполагают поиска. Будь Игорь в пределах двухсот ли, ван Ло смог бы найти его – так он мне сказал.

«Так пусть он сядет на самолёт и посетит каждый город, начиная с Европы!» – захотелось рявкнуть князю, но вместо этого он сдержанно улыбнулся, принимая ответ.

– Ваш человек очень занят?

– Мы все здесь очень заняты, – ответил император, подразумевая недавний переворот и связанные с ним последствия, в виде волнений. – Но мы будем искать нашего друга всеми доступными силами. Когда найдём, сразу же сообщим вам.

Минский правитель сказал «когда», а не «если», хотя последнее куда больше подошло бы по смыслу. Найти похищенного пророка могло помочь разве что чудо, и оба мужчины прекрасно это понимали. Поярков, тем не менее, кивнул с благодарностью, получил сдержанный поклон от собеседника и, попрощавшись, завершил беседу.

– От минцев помощи ждать не следует? – тут же услышал он вопрос. Обернулся и взглянул в глаза сестре – единственному человеку, которому позволил находиться в комнате во время переговоров с Чжусу Юанем.

– У них своих проблем полно, Ира, – ровно ответил

князь. — Я очень удивлюсь, если они успеют разобраться со всеми своими трудностями до конца года. Но, уверен, если минцам что-то удастся найти, они тут же сообщат. Мы в них заинтересованы куда меньше, чем они в нас.

— Согласна, — тяжело вздохнула сестра. — По другим направлениям поиска есть какие-то результаты?

Поярков вздохнул вслед за ней. Прошло три дня, как паписты похитили Игоря, а они так и не продвинулись в его поисках. Три дня племянник, хорошо — подменьши из другого мира, попавший в тело настоящего сына его сестры — находится чёрт знает где, а он, один из могущественнейших людей Востока русских земель ничего не может сделать! Теряет инициативу, если уже её не утратил. И, вслед за этим, теряет лицо!

Настоящий Игорь был сильным боевым магом, к тому же обученным, пусть и неглубоко, для использования царского дара. Подменьши же каким-то образом умудрился полностью обнулить достижения оригинала и открыл в себе дар пифии. Куда более редкий, а при правильном управлении, куда более мощный инструмент, чем разрушительная высшая магия. И он, старый дурак, этот инструмент проворонил!

Хотел испытать его! Ну и немного закалить — подумать только, в другом мире копия Игоря была секретарем! Отправил его разобраться с небольшой проблемой, которую тот сам же и вскрыл. Всего-то и было нужно — вернуть

беглого подданного, обнаруженного в империи Мин. Поярков не сомневался в успешном выполнении задания: парень был с амбициями и мозгами, да и команду ему подобрали хорошую. Но кто мог предположить, что в первый же день прилёта в Гуанчжоу у подмёныша откроется пророческий дар? Кто мог подумать, что простейшее поручение обернётся многослойными заговорами Ватикана и Потрошителей и государственным переворотом в империи? Кто мог представить, что Игорь окажется вовлечённым во все эти события, а в завершении будет похищен невесть кем и непонятно с какой целью?

Должен был догадаться! И подумать, и представить, и предусмотреть! Правителю не должно искать отговорки и валить вину на обстоятельства! Нужно было сразу же вернуть его в Благовещенск, где обучить пользоваться даром, а не бросать в море политики с надеждой, что тот сам научится плавать. Теперь, конечно, говорить об этом поздно...

Князь уже задействовал все доступные ему возможности. Он поднял всю шпионскую сеть, объявил вознаграждение, подключил к поискам Игоря старых союзников, но пока результатов не получил. Кроме того, что оповестил о пропаже необученного пророка тех самых союзников, чем изрядно подмочил свою репутацию. Да ещё и встал на скользкий путь вражды с мощнейшим институтом Западной Европы – Ватиканом.

И ведь нельзя напрямую обвинить Святой Престол в похищении Игоря – доказательств нет. Можно лишь утереть юшку с разбитого обидным ударом носа и продолжать искать. Открытую войну с папистами Благовещенск, даже если его поддержат союзники по Триумvirату, не потянет. У католиков исторически самые сильные одарённые, с десятков боевых орденов плюс отсутствует территория, по которой можно было бы ударить. Точнее, она анклавами разбросана по всему миру, и далеко не о каждом из них известно доподлинно. Ну и связи практически со всеми монаршими семьями в Западной Европе, что тоже нужно учитывать.

Оставались только тайные операции, но чтобы их проводить, нужно понимать, хотя бы примерно, где держат пленника.

– Ничего, – неохотно ответил князь. Признать свою полную беспомощность перед кем бы то ни было, пусть даже и перед родной сестрой, ему не нравилось. – Никто ничего не знает, никто ничего не слышал. Возможно, даст какой-то след ниточка от Евсева, но и на неё нужно время. Этим сейчас занимается Самойлов. Талантливый сыскарь, но что-то мне говорит, что нам следует смириться с потерей ещё одного пророка.

Сказал, и чуть по щекам себя не отхлестал. Зачем? Ирина ни в чем не виновата, чтобы ещё и её старые раны беречь! Ей и так тяжело – урожденная Пояркова сломалась на инициации много лет назад и полностью отрезана от да-

ра. Нет её вины в пропаже Игоря. Если уж кого и винить, то самого себя. Нужно было сразу вернуть парня домой. В тот же день, как стало известно о проснувшемся даре.

– Прости, – буркнул мужчина. Он давно уже ни перед кем не извинялся, с непривычки вышло не очень внятно.

Ирина махнула рукой – забудь, мол, я всё понимаю. И продолжила разговор, будто и не было неловкой паузы.

– Мы должны его найти, Коля. Разбиться в лепёшку, вымолить у Господа или заключить сделку с дьяволом, но найти. Одно дело потерять пророка на инициации – о том мало кому известно. Совсем другое – позволить его украсть. Это урон престижу страны, ты лучше меня понимаешь. Урон роду. Нам плюнули в лицо, Коля, и мы не можем молча утереться. Мы должны показать силу. Мы должны наказать обидчика. Мы так его должны его наказать...

– Чтобы род несчастного икал ещё три поколения, – закончил за сестру Поярков. И тепло улыбнулся женщине. Он узнал присказку их отца, правителя мудрого и куда более жёсткого, чем он сам. Сумевшего, в своё время, остановить наступление маньчжуров на Даманский.

Сестра всегда больше подходила для управления княжеством, да только родилась девчонкой. А вот характер у неё был отцовским. Таким, что спорить с ней не хотелось и ему. Даже сейчас, имея за плечами бремя почти сорока годов правления и соответствующего опыта. Для неё род стоял на первом месте! Святый Боже, Ирина даже приняла его

решение о ссылке её настоящего сына! Какая мать на такое вообще способна? А сестра даже не укорила ни разу – сразу приняла и пользу нового, и вред прежнего Игоря.

А сейчас напомнила о долге ему. Перед родом, перед подданными, перед страной. О том, что выживает только сильный, а сильный обязан быть жестоким. Хотя бы для того, чтобы другие сильные не попытались попробовать его на зуб. Политика всегда была такой: улыбки, договорённости и компромиссы работают только в том случае, если твой противник уверен – ты очень опасен. И сможешь пойти до конца. Не смотря ни на что.

– Да, – кивнула она. И тоже улыбнулась. С такой кровожадностью, которую бы никто не заподозрил в женщине с её манерами и воспитанием. И до того заразно, что князь и сам почувствовал, как расходятся в почти зверином оскале губы, обнажая клыки.

Вынырнуть из видения удалось легко. Словно Линь сидела рядом на узкой кровати, в келье, и тянула меня наружу. И, кстати, я её чувствовал. Не видел, не знал, где она находится, но чувствовал. Прямо сейчас моя эльфа была зла как кошка, которой наступили на хвост. При этом я был уверен, что её жизни не угрожает опасность – просто какие-то житейские неурядицы. Жутко потянуло оказаться с ней рядом, хотя бы посредством дара, но я притушил энтузиазм.

Проверил – проснулся мой сосед? Спит, хвала Господу! Я

потёр ладони друг о друга, как тот нищий, на которого свалился чемодан с долларами. Улыбнулся зло и так же кровожадно, как мои «родственники» из видения. Дар работает, я знаю, что меня ищут, но понимаю, что быстро этого не произойдёт. Да, я уверен, что князь положит все силы и ресурсы на моё освобождение, однако сидеть и ждать не собирался. Потому что Ирина Александровна, моя здешняя мама, права. Это урон репутации.

В моём случае, про урон роду или стране говорить не приходится. Плевать мне пока на такие эфемерные понятия – не настолько я в этот мир врос. А вот урон мне лично, урон моей репутации – это надо было исправлять. Да так, чтобы «врагам икалось три поколения». Если я спущу это сейчас – будущего у меня нет. Да, меня спасут. Рано или поздно. И посадят на цепь уже в Благовещенске. Оженят на пермской княжне и навсегда оставят под колпаком. Не будет никакой самостоятельности: ни в плену у доминиканцев, ни под крылышком у Пояркова. Будет разная степень неволи. Дядька так и считает: пророк – слишком ценный инструмент.

Вот тут мой гнев и принял форму холодной и расчётливой злости. Я понял, что выбраться должен сам. Как – не знаю, но придумаю. Я, как выразился князь, парень с амбициями и мозгами! Справлюсь! Пусть я много не понимаю, но у меня есть то, чем в этом мире может похвастать лишь пять человек – пророческий дар.

Пришло окончательное понимание – персонаж я ключе-

вой. Не пуп земли, и мир вокруг меня не вертится, но что-то очень близко к этому. Слишком много людей с самыми разными интересами учитывают меня, как значительную переменную, в своих планах. Одних интересует моя долгая жизнь, других – скорая смерть, а третьих – сотрудничество, если так можно назвать выкручивание рук, похищение и шантаж. В любом случае, из тех, кто здесь правит бал, равнодушными я почти никого не оставляю. Все чего-то от меня хотят.

Вот от этого и будем плясать.

Бросив быстрый взгляд на окно-бойницу, я отметил, что на улице стало значительно светлее. И ещё понял, что дар в груди снова не откликается, а значит, фаза глубокого сна у моего надзирателя закончилась. Догадку подтвердил и его прекратившийся храп. Скоро он проснётся окончательно и пойдёт проверять, как делал это каждое утро, не выкопал ли я за ночь лаз за пределы кельи.

Так какой план, Антошин? Пункт первый – добыть часы. Нужно каким-то образом определить границы исключения глушилки видящего. Пункт второй – выяснить, где именно находится монастырь. Чёрт его знает, что мне это даст, но чувствую, что обладание этим знанием важно. Ну и пункт три – усыпить бдительность доминиканцев. Без хотя бы относительной свободы на побег можно не рассчитывать. Всё? Вроде бы... Пока хватит. Стоп! Пункт четыре – избавиться от этого довольного и злого лица! А то ещё что-то заподозрит

моя дуэнья. Не должен заключенный радоваться без причины.

Когда тюремщик открыл дверь моей камеры, я, мокрый и тяжело дышащий, заканчивал с отжиманиями.

– Доброе утро, Альдо! – приветствовал я его, закончив утреннюю зарядку и усевшись, скрестив ноги, на пол. – Может уже начнете стучать в дверь?

Видящий обозначил на лице неискреннюю улыбку и трижды стукнул костяшками по доскам. Оперативник магистра тоже злился. Видимо, его начала тяготить необходимость быть нянькой у пленника. Первые дни он был более любезен.

С другой стороны, я же постоянно его подкалывал. Просто так, чтобы он не расслаблялся, да и понимать границы того, что мне тут дозволено, очень хотелось.

– Ну вот видите – это совсем не сложно. Только завтра сделайте это до того, как откроете дверь, хорошо?

На это ищейка никак не отреагировал. Просканировал тяжёлым и немного сонным взглядом мою камеру и, не обнаружив следов подкопа и подпилов на решётках, собрался уходить. Не тут-то было!

– И знаете что, Альдо, – обратился я к его спине. – Мне нужно поговорить с отцом Домиником. И чем скорее, тем лучше.

Обычно я на встречи с магистром не напрашиваюсь, так что ответом мне стали удивлённые глаза видящего. Ну, ребята, вы же хотели сотрудничества? Их есть у меня!

Глава 2

Сущность войны

Встречу с отцом Домиником мне устроили довольно скоро. Относительно, конечно. Вероятно, ждали, что я сломаюсь и пойду на их условия, которые, кстати, мне до сих пор озвучены не были. Вообще, странные они, доминиканцы эти! Спёрли пророка, поведали ему, что надо спасать мир, а что именно делать нужно и на какой основе – упомянуть забыли.

Утрирую: скорее, они сознательно создавали такую атмосферу вокруг моей персоны, одновременно почтительную, мол, целый пророк у нас гостит, но полную тайн и недомолвок. Ждали, когда я расклеюсь и упаду им в руки перезрелым плодом? Чёрт его знает. Если бы не вернувшийся ночью дар, и регулярные визиты двойника, может так бы и случилось.

Однако при существующих раскладах успеха они не добились. Только разозлили меня и заставили усиленно искать пути спасения. Ну и ещё делить всю поступающую от них информацию на четыре. По меньшей мере.

Не верил я храмовникам! И желания выступать приглашённой звездой в их постановке у меня не было!

А вот встреча с падре была необходима. Требовалось убедить лидера регрессоров в том, что я очень серьёзно вос-

принял его слова. И основательно раздумываю: как бы мне так поучаствовать в спасении магии, но при этом не прослыть предателем и голову не потерять? В общем, я собирался врать этим ребятам – они же мне врут! Да и потом, не в этом ли заключалась моя прежняя работа?

– Доброе утро, Игорь! – добрый дедушка Доминик появился в дверях моей кельи примерно через полчаса после «вызова». И тут же повинился за опоздание – ну как на такого сердиться? – Простите, что заставил вас ждать, но в этой обители слишком многое требует моего личного участия.

Я ответил ему наклоном головы и выдал совсем не то, что он ожидал услышать. Если собираешься доминировать в разговоре, лучше самому задать тему и тон.

– Это не лучшим образом характеризует вас как руководителя.

Тон выбрал прохладный и салонный. Мол, не то чтобы меня ваша работа сильно волнует, но раз уж вы сами затеяли этот разговор... С удовольствием отметил, как потрескался и осыпался слой карамели с глаз священника.

– Вы хотели обсудить мой профессионализм?

Не продемонстрировал обиду, всё-таки магистр ордена – фигура! Но дал понять, что слова и тон пленника ему неприятны. Я сделал вид, не слишком напрягаясь, кстати, что мне до его эмоций дела нет. И вообще, это, как говорили полицейские в моём мире, был «расслабляющий в голень». Сам удар будет сейчас.

– В том числе, падре. Я хотел обсудить условия сотрудничества, которое вы мне предложили. Сроки, гарантии и свою выгоду, разумеется. Сейчас, услышав о вашей занятости, я уже не уверен, что разговор следует вести с вами. Мне всегда казалось, что рутинная и текущая – это то, что руководство оставляет заместителям.

Не болевой приём, прямо скажем, но хороший такой боковой в печень. Точнее, в самолюбие. Кому же из начальства понравится, когда ты его в звании понижаешь? Моё прежнее руководство такого бы точно не стерпело. В этой Параллели люди были из того же текста.

Глазки магистра нехорошо сузились, в этот момент он совершенно перестал походить на божьего одуванчика. Хладнокровная и хитрая змея – вот кого он напомнил этим своим прищуром. Смертельно опасная гадина, которую при встрече лучше было бы бить с гарантией – такие, даже умирая, способны наделать дел.

– Это моя занятость привела вас к такой мысли? – тон отца Доминика тоже изменился. Сразу отчётливее стала слышна скрываемая ранее под бархатом сталь. Даже неуютно стало от его голоса. Однако я упрямо держался выбранной линии поведения.

Ни один фанатик не примет твоего согласия встать под его знамена, если не будет до конца понимать твоих мотивов. И я их ему давал. Амбициозный, самолюбивый, эгоистичный. На Игоря Антошина, мага из Благовещенска, внезап-

но заделавшегося пророком, у храмовников, к бабке не ходи, толстенная папка собрана. Привычки, пристрастия, любимый цвет и даже поза в сексе – мне оставалось лишь «соответствовать». Двойник жил не прячась и характер имел... не то чтобы скверный – аристократический! Он не стал бы говорить с каким-то там замом и совершенно точно позаботился бы о шкурном интересе.

– И это тоже. К тому же вы ничего не сказали о том, на каких условиях хотите получить меня в свою команду борцов за спасение мира. Что приводит к мысли – вы не тот, кто ставит условия, а тот, кто следит за пленником.

Он не стал мне ничего доказывать – я был бы в нём разочарован, будь иначе. Не стал демонстрировать тяжёлый свой характер и ставить меня на место. Вместо этого, прекратив делать в моём теле дыры своими зёркалами, он развернулся и пошёл прочь. Ни сказав ни слова мне, ни отдав никакого указания моему надсмотрщику. Но я понял, что получил приглашение следовать за ним. Глянул на Альдо, убедился, что он не собирается меня останавливать, и отправился за падре.

По дороге, а двигались мы в сторону рощицы апельсиновых деревьев, меня вновь начали грызть сомнения. Правильно ли я построил разговор? Не пережал ли? Дал ли понять, что настроен серьёзно? Чего мы топаем к апельсинам, вообще?

Между невысокими деревьями, украшенными плодами

зелёных новогодних шаров – то ли сорт такой у здешних цитрусовых, то ли не сезон ещё, вилась узкая дорожка. Было заметно, что её создавали для неспешных прогулок, а не для скорейшего попадания из точки А в точку Б. На двести квадратных метров фруктового сада она делала с десятков изгибов, периодически пропадая из виду и снова появляясь из-за очередного дерева. Возле тропы мы и остановились.

– Вы выводили меня из себя? – спросил старик. Сталь из его голоса пропала, но тон при этом давал понять, что клинок готов покинуть ножны очень быстро. – С какой целью?

– Только лишь с той, о которой сказал, – пожал я плечами. – Я здесь четвёртый день, а вы маринуете меня, как капусту в бочке. Дали наживку, но ничего не говорите об условиях. Мне это стало надоедать. Вот и все цели, падре.

Лучик утреннего солнца тепло коснулся щеки, как бы говоря: «Всё ты правильно делаешь!» Старик указал рукой на дорожку, предлагая пройтись.

– Руководство ордена – это я. – начал падре, неспешно переставляя ноги. – В нашем деле есть ещё несколько человек, которые равны мне по рангу, но в вашей судьбе властен только я. Мне бы хотелось, чтобы вы это хорошо уяснили, Игорь.

– Угрозы, святой отец?

– Грешен, – качнул тот в ответ седой макушкой. – Но давайте сосредоточимся на ваших вопросах. Условия, сроки, гарантии и ваша выгода – я ничего не упустил?

– Нет, всё точно. Давайте начнём с конца?

– Мне такой подход немного неприятен – мерять всё личной выгодой... – начал было магистр, но я его перебил. Должен был перебить, если хотел выглядеть тем, кого он видел.

– Простите, духовного сана не принимал и мысли об общем благе не являются для меня приоритетом.

Католик сморщился, демонстрируя недовольство моим подходом к делу и тем, что я его перебиваю. Но смолчал. А я понял, именно после этой гримасы понял, что добился своего.

Теперь отец Доминик уверен, что видит мою суть. Торгующийся за свою жизнь и свободу аристократ – что может быть проще и понятнее? Можно поставить галочку напротив первого пункта плана – в доверие я уже начал втираться. Конечно, мне предстоит ещё много работы, но, чёрт возьми, фундамент я заложил основательный!

– Чего вы хотите?

– А что вы можете предложить?

– Деньги?

– Не опешляйте и без того пошлую ситуацию!

– У Ордена значительные ресурсы.

– Уверен, что они значительнее, чем средства моего рода, но мне и своих хватает.

– Тогда что?

– Кто меня похитил, интересно? Вы должны были, кроме кнута, озаботиться и поисками вкусного пряника!

– Спасения мира вам недостаточно?

– Его достаточно вам, если я правильно понял. Я же спокойно жил без этого груза до встречи с вами.

– Но теперь вы знаете.

– И не сказать, что впечатлён. Вы, католики, специализируетесь на предсказаниях конца света, так что опустим этот мотив.

– Вы так говорите, словно уже решили для себя, что просить в качестве награды?

– Что заставило вас так думать?

– Вы ведёте разговор в нужную вам сторону.

– Разве не в этом смысл деловых переговоров?

– Игорь, прошу, перестаньте уже прятать свои истинные намерения за словесной шелухой!

– А я думал это вы специалисты в напускании тумана.

– Что вы хотите?

– Знаний!

– Что?

Победа в словесном пинг-понге досталась мне – этой цены сотрудничества магистр не ожидал. Нет, он не застыл соляным столбом и не раскрыл в удивлении рот – не того уровня человек. Но удивился. Прищурился и с новым интересом посмотрел на меня.

– Каких знаний?

– Доступ к архивам Ордена по боевой магии. И по пророческой тоже. Раз уж я тут у вас застрял на какое-то время, то

почему бы не повысить свой уровень? Я слышал, у католиков имеется много такого, о чём уже успел забыть весь мир.

– И, получив требуемое, вы согласитесь сотрудничать с нами?

Я склонил голову набок, будто раздумывая. Подержал старика в напряжении – всё по Станиславскому – и кивнул.

– Ну да. Почему нет? Мне кажется, такая сделка удовлетворит обе стороны. Вы спасаете мир, я оказываю вам сильную помощь и приобретаю новые возможности. Ах да, ещё мне нужен доступ к дару. Опека вашего Альдо меня уже утомила.

– Вы просите вернуть вам доступ к дару? – старик усмехнулся. – Боевому магу и пророку?

– А в чём проблема? – пожал плечами я. – Вы говорили, что монастырь находится в безлюдной местности. Совершать побег, при выполнении вами наших договоренностей, мне незачем. Даже опасно – что я буду делать в джунглях? Или вы боитесь?

– Опасаюсь, не буду скрывать.

– Святой престол как-то управлялся с целой Европой, и ничего. Что вам сделает один единственный одарённый? К тому же, Альдо может по прежнему исполнять обязанности дуэньи. Увидит во мне опасность и тут же заглушит мои способности. А как боец он на несколько голов выше меня – я уже имел возможность в этом убедиться.

Теперь паузу взял уже магистр. Долгое время он смотрел

куда-то мне за спину, надо полагать обменивался телепатическими сообщениями с моим надсмотрщиком. Мне не нужно было читать мысли, чтобы понять, о чём они переглядываются.

«Справишься?» – спрашивал дедок.

«Конечно!»

«Смотри, дело ответственное!»

«Не извольте сомневаться, ваше высокопреосвященство!»

– Я подумаю над этим, – завершил безмолвный разговор отец Доминик. – Ещё какие-то пожелания?

– Часы.

– Что?

Уже второй раз за утро мне удалось сбить с толку целого магистра Ордена Псов Господних. Человека, надо полагать, поднаторевшего в словесных диспутах. Мелочь, а приятно!

– Такой механизм для измерения времени, знаете? Я не уверен, пользуются ли им истинно верующие, но подойдёт и клепсидра.

– Игорь!

Я вскинул руки в шутливом жесте «сдаюсь-сдаюсь».

– Зачем вам часы?

– С ума схожу, когда не знаю который час. Блажь, понимаю, но я человек современный, а вы у меня даже телефон забрали! Просыпаюсь и не знаю сколько до рассвета. Это убивает просто! Любые часы, хотя насчёт клепсидры я, пожа-

луй, погорячился... Механические или дешёвые электронные, если вы боитесь, что я сделаю подкоп минутной стрелкой.

В общем, достал я старика! Мог бы, заплодировал бы самому себе – прекрасная игра! Разговор со мной так выбесил священника, что он просто кивнул на прощание и ушёл. Хотя на прощание и сказал, что обдумает мои слова. Уверен, вместо этого он с большим удовольствием приказал бы своей ищейке поколотить заносчивого аристо.

Остаток первой половины дня я провёл гуляя по территории с Тенью, посматривая на размеренную жизнь обители и размышляя. О своём положении и способах из него выбраться, преимущественно. А ещё о Сунь Цзы.

Был у китайцев в моём мире такой деятель. Его называли полководцем, философом, писателем и много ещё кем. Прожил дядька жизнь интересную и полную событиями, от того, вероятно, и решил своими наблюдениями поделиться с людьми. Его «Искусство войны» по праву считалась книгой вневременной, дающей ответы на вопросы даже тем, кто не живёт в век боевых колесниц и фланговых охватов лёгкой кавалерии. А почему? Потому, что писал он о сути человека, а вовсе не о войне. О той самой, что не меняется никогда и никак не связана с типом используемого оружия.

Сунь Цзы сказал: «Сущность войны – обман. Искусный должен изображать неумелость». Золотые слова! Причём,

каждое – про меня! Да и неумелость мне изображать не придётся.

Меня на доку в военной стратегии, идеями которого не гнушался пользоваться и Наполеон, «подсадил» университетский преподаватель по истории. Я навсегда запомнил сказанные им слова, хотя прошло уже больше десяти лет!

«Библия и „Искусство войны“, лемминги – две книги, которые обязан прочитать хотя бы один раз в жизни любой образованный человек! Или желающий, чтобы его таковым считали. Можно забить на Толстого с его „Войной и миром“, прочих русских и зарубежных классиков, которых в вас пихают с упорством, достойным лучшего применения. Но эти две книги вы прочесть должны, даже если являетесь атеистами и пацифистами. Потому, что в них содержится всё, чего достигло человечество за свою историю. Не в плане науки и техники, как некоторые из вас подумали. Я говорю о том, что уже не изменится – о природе человека. Это вам сразу будет и история, и литература. Без всяких агитационных примесей – чистая, как аква дистиллята!»

Второй курс универа – почти никто из нас не воспринял его слова всерьёз. Я бы тоже пропустил их мимо ушей, хотя историческую литературу обожал с детства. Прочитал все исторические книги, которые были доступны в постсоветском пространстве: от Яна до Дрюона. Но Библия и Сунь Цзы? Серьёзно? Тогда я подумал, что пожилой мужчина в смешном сером пиджаке с чёрными заплатами на локтях,

глаза которого загораются только во время чтения предмета, прикалывается. Чем могут помочь советы чёрти когда жившего китайца в начале двадцать первого века? Однако препода обещал автомат по предмету тем, кто докажет, что прочёл список рекомендуемой им литературы, а это был аргумент. Так я начал читать «Искусство войны». И втянулся, кто бы мог подумать.

Уж не знаю, что извлекли из этого древнего трактата другие люди, его читавшие, а я понял вот что. Искусство войны – это правила взаимоотношений в социуме. Точнее, ну не мастер я отточенных формулировок – признание того факта, что обман и есть суть человеческих взаимоотношений. Спорно? Естественно, это же только мои выводы, другой человек сделает из прочитанного свои собственные.

Но, на минуточку: на войне ты водишь за нос противника, льстишь союзнику, вешаешь на уши лапшу народу и даже самому себе частенько правду предпочитаешь не говорить. А в мирной жизни что, не так? Я вас умоляю! Даже отношения между мужчиной и женщиной, особенно на старте, строятся на сплошном вранье! Ты стремишься показать себя с лучшей стороны, она до поры скрывает свои недостатки. Я не осуждаю, ни боже мой, но факт же!

А ведь есть ещё «ложь во спасение» и банальный самообман. Или «необходимая ложь». При устройстве на работу, например. Кто-нибудь говорит о себе правду, когда проходит собеседование? Нет, наверняка кто-то и говорит, но какие у

него тогда шансы получить должность?

А материнские увещевания? Если бы «Оскара» давали за самую лживую фразу, и оценить её популярность можно было по количеству просмотров и лайков, в топе, от начала времён до наших дней, находилась бы только одна: «Всё будет хорошо!»

Кстати, зря я на мам наговариваю. Именно эту фразу произносили полководцы, отправляющие войска в бой с превосходящими силами противника, и рыцари, входящие в пещеру к дракону. Её без усталости твердят пассажиры, дрожащие от страха в салоне самолёта, моряки на тонущем судне и девушки, узнавшие о нежелательной беременности. И я, вляпавшийся в очередное, как сказал бы хоббит Бильбо, «приключение». Мистер Беггинс в этом понимал как никто другой.

Самое забавное в этой фразе – она работает. Не всегда, с кучей оговорок и нюансов, больше, как самогипноз, но работает! В моем положении было бы глупо отказываться от даже такой помощи.

Наконец, пустое топтание мне наскучило. Монахи, их в обители было около двух десятков, копошились в саду, двигались по территории монастыря по своим делам, сидели на разбросанных тут и там скамьям, предаваясь, вероятнее всего, благочестивым размышлениям. А я вот себе позволить такого не мог, хотя атмосфера обители и располагала: тёплое солнце, небо без облачка и влажный воздух. Не плен, а ку-

порт! Однако мои мысли, крутившиеся вокруг одного – как перехитрить своих тюремщиков – начинали угрожать голове взрывом. Требовалось срочно сменить тему.

– Расскажите о себе, – потребовал я у своего сопровождающего. – Откуда вы, как стали ищейкой?

Тень глянул на меня без эмоций и промолчал.

– Да ладно вам, Альдо! Всё равно же делать нечего ни вам, ни мне! Хоть поболтаем.

– О чём?

– Да о чем угодно! Где вы учились рукопашному бою, например?

– В монастыре неподалеку от Рима.

И молчание. Не беседа, просто ответ на вопрос. Я воспринял это как вызов – разговорить этого упрямого типа.

– Послушайте, Альдо. Я согласен, что вёл себя с вами не лучшим образом, но давайте спишем это как реакцию на похищение. В конце концов, у меня тоже есть масса претензий, взять, хотя бы, пинок в голову! Чудо ведь, что без сотрясения обошлось! Но мы ведь планируем работать вместе, верно? Так почему бы нам немножко не поработать над взаимопониманием?

Закончив речь, я остановился и обернулся к Тени. Тот продолжал смотреть на меня с равнодушием садового гнома.

– Отлично! Хотите молчать – пожалуйста! Тогда я буду говорить, а вы слушайте. Можете даже раздобыть воска и залепить им свои уши!

Развернулся и, не глядя идёт ли за мной тюремщик, отправился на ещё один круг по монастырскому двору.

– Знаете, что мне кажется странным? Ваше участие в проекте с поглотителями. Ваш магистр говорит, что Орден занимается коммунами, где люди без технологий возрастают в даре. А вы, в тоже самое время, явно участвовали в проекте, цель которого – создание из одарённых смертников. Как-то это не вяжется с декларируемыми целями.

Тишина. Только лёгкий, едва слышный звук шагов ищейки. Ну ничего, я и камень разговарю, дайте мне только время! А его у меня много!

– Я по всякому крутил в голове этот факт и пришёл к таким выводам. Либо вы, я имею вас и вашего магистра, врёт мне, и ваши цели совсем иные, либо вы работали в проекте как агент под прикрытием. Против другой ватиканской фракции, например. Что скажите?

Ответ не последовал и в этот раз. Но я уже увлёкся и скорее размышлял вслух, чем пытался вовлечь в разговор молчаливого надсмотрщика.

– Вот смотрите, в Гуанчжоу пересеклись интересы нескольких ватиканских фракций. Кардинал Петра, кардинал Франко и магистр Доминик. Сперва я представлял всё так: вы курировали проект Потрошителей по зомбированию ванов, а госпитальеры, служащие интересам Петра, занимались силовой поддержкой. Что делали люди Франко, я не понял, но они тоже были к этому делу причастны. Потом ваши

хозяева поругались или обнаружили новые интересы. Как бы то ни было, командор госпитальеров выдал нам место, где Потрошители держали обработанных вами ванов. Что скажете, Альдо? Какова была ваша цель? Или мне спросить у отца Доминика?

– Попробуйте, – соизволил-таки отозваться видящий.

– Обязательно. А вот ваш дар... – я тут же сменил тему. – Он позволяет вам заглядывать в будущее? Насколько? Пять секунд? Десять? Или больше?

Тень хмыкнул, но отвечать не стал.

– Знаете что, Альдо! Серьёзно, но если мы не договоримся с Домиником о сотрудничестве, вина будет лежать на вас! Я не собираюсь работать с упёртыми ослами, которые считают, что держат меня за яйца!

– А разве это не так?

Ух ты! Каменюка демонстрирует сарказм!

– Вы держите меня в плену, а это две большие разницы, минхерц. Чем вы мне можете угрожать, если я не соглашусь? Смертью? Камерой до конца жизни? Вы думаете, я этого боюсь?

Разумеется, я этого боюсь! И очень! Но бравада была присуща моему двойнику.

– А вы не боитесь?

Я остановился и долго смотрел в глаза ищейке. Затем с холодом, который слегка не дотягивал до абсолютного нуля в голосе моей «мамы», когда она злилась, отчеканил:

– Я из рода князей, смерд. Русский боярин. Почитай книжки по нашей истории – ты же прекрасно знаешь язык. Мы с рождения готовы к смерти.

Аж самого проняло, насколько убедительно вышло.

– Раньше люди были покрепче, – не впечатлился видящий.

– А ты готов на это поставить? Готов слить шанс получить пророка для Ордена? Готов искать нового мне на замену? Мне-то терять особенно нечего: жены нет, дети по лавкам не плачут, а у князя есть наследник. Род продолжится. А вам аукнется так, что икать от страха будет не одно поколение!

Губы Тени перестали змеится улыбкой. Похоже, он понял, что довёл боярина до ручки. Опасности для него я не представлял, так что вряд ли он убоился моих гневных речей. А вот тот факт, что своими манерами мог сорвать сделку своего господина, его обеспокоил. Ведь в тот момент, когда я на эмоциях высказывался, я и сам верил, что говорил правду.

– Вам нужно отдохнуть, Игорь. Вы слишком возбуждены.

– На сколько ты видишь будущее?

Взглядами мы мерились не меньше минуты. Мне лично так показалось. В конце концов, когда я уже был готов ответить взгляд – глаза начали слезиться – он ответил:

– До двенадцати секунд. Иногда меньше. От многого зависит.

Даже не важно, правду он мне сказал или соврал. Я кивнул с видом короля, принимающего капитуляцию противника,

повернулся к нему спиной и пошёл к келье. Самым трудным было не пустить на лицо довольную улыбку.

Ближе к вечеру принесли книги. С десяток пухлых томов в тяжёлой оправе, открыв верхний из которых, я убедился, что написан он на латыни.

– Издеваетесь?

Вопрос я адресовал отцу Доминику, который пришёл вслед за монахами, принёсшими дары.

– Я научу вас языку, Игорь, – магистр снова был в облике доброго дедушки. – Это проще, чем переводить для вас книги.

«Да ладно!» – хотел было брякнуть я, но вспомнил про датские капли и не позволил реплике сорваться с губ. В конце концов, может быть вариация лингвоботов для глаз. К тому же, и Тень, и падре, говорят на русском без проблем, причём используя идиомы. Вряд ли они учили его с рождения – где Италия, а где русские княжества? Значит, освоили недавно, когда один не очень умный пророк привлёк внимание Ватикана.

Спросить «как», или это какая-то общеизвестная методика? А я, обнаружив свою неосведомленность, попаду под подозрение? Лучше вообще промолчать. И пристально так поглядеть на паписта. Без вопроса, но с ожиданием.

– Вы согласны? – спросил Доминик. – Будет болеть голова, но к утру пройдёт. Если возникнут осложнения, Альдо

вам поможет пережить обучение.

Он явно говорил о каком-то гипнометодe на магической основе.

– Никогда так не учил язык.

– Я вас понимаю, Игорь. Побочных эффектов у данной техники множество, и головная боль – не самый серьёзный из них. Потом ещё несколько дней вы можете путаться в языках, говорить на латыни, думая, что выражаете мысли по-русски. Возможна тошнота и эпизодические приступы эпилепсии. Но у меня большой опыт, так что, возможно, вам удастся всего этого избежать.

Блин! Вот не было печали, купила баба поросё! Попро-сил, понимаешь, книжки почитать. С другой стороны, какие ещё варианты? Знания мне нужны, как и доверие магистра. Стоит согласиться, в общем.

– Давайте, – с напускным равнодушием кивнул я. – Пару дней головной боли я смогу пережить.

Стоило, конечно, побольше разузнать о методе обучения. Заранее. Фиг бы с ними, с подозрениями! Когда отец Доминик с доброй улыбкой возложил руки мне на голову, она взорвалась ослепительной болью.

Глава 3

Золотая нить

Принять боевую форму занимает две с половиной секунды. Миг – в любое другое время. Бесконечно долго бегущие из клепсидры песчинки, если дело касается схватки. Яо знал, что его предки, прошедшие полное обучение в «Монастыре под горой», могли оборачивать себя в Ши меньше чем за секунду. Одна с третью – столько уходило у его деда. Последнего из рода, имеющего право именовать себя «маоши», даже с учётом незавершённого десятилетнего обучения.

У осколка былого величия так не получалось. Наследнику фамилии Ло требовалось две с половиной секунды.

Исходя из этого, действие стоило предварять подготовкой. Сперва наращивать броню-шиан, потом материализовать в руках копье-даньчэнь, и лишь затем, будучи окружённым дыханием предков, вышибать ногой дверь.

Войдя, Яо тут же смёл лезвием в сторону два раскалённых кусочка свинца, вылетевших из пистолетов жёлтоголовых. Доспех доспехом, но незачем принимать пули на защиту, если есть возможность этого не делать. Бой в замкнутом помещении гостиничного номера и так предоставит для этого возможности. Смятые кругляши стукнулись о стену. И тут же прогремело ещё два выстрела.

На этот раз пули столкнулись с ши: одна ударила копьеносца в грудь, другая в живот. Яо сознательно не стал уходить от них – дал возможность противникам «насладиться» результатом. Конечно, щитonosцев они видели и раньше, но не в исполнении мертво-зелёного аспекта. Ошарашенные стрелки, как и ожидалось, раскрыли рты и чуть опустили стволы. Мизансцена замерла, позволяя гвардейцу оглядеться.

В комнате находились пять человек. Двое вооруженных огнестрелом, ещё двое – с обнажёнными мечами-люедао. Пятым был ван аспекта Фенг. Самый медлительный. И самый опасный из всей пятёрки телохранителей гуафанга. Тяжёлая артиллерия в гостиничном номере беглеца-синца. Последнего, кстати, в комнате не было.

Группа собрана правильно – смешанная защита для важных лиц. Синцы не дураки полагаться только на современное оружие, хотя сами сделали всё, чтобы мёртвого железа боялись и одарённые. Телохранители были способны справиться с любой угрозой жизни своего господина. Но хорошо проработанные схемы не учитывали наличия носителя ши. Они же вымерли, правильно?

Буквально секунда, может и того меньше, а Яо уже знал как будет двигаться. Кто из противников умрёт первым, кто следом за ним, и кто останется живым для допроса. Шансов против него у пятерки не было. Даже с учётом мага с аспектом Фенг.

Очередная песчинка времени упала на холмик ей подобных, и восковая неподвижность гостиничного номера взорвалась. Стрелки слитно, как один организм, выстрелили в третий раз. Следом за пулями, лишь немного уступая им в скорости, кинулись и мечники. Копьеносцу уже не было необходимости шокировать противников, поэтому от свинца он легко увернулся, а отточенную сталь встретил прозрачным лезвием даньчэна. Получивший время на активацию аспекта, маг толкнул руками воздух, и к Яо устремилось веретенообразное копьё.

Это было серьёзно. Носители Фенга специализировались именно на пробивании защиты одарённых. Веретено способно было разрушить крепчайшие эфирные щиты и перемолоть в фарш для пельменей того, кто спрятался за ними. У данного аспекта был лишь один недостаток – по скорости он уступал даже пульсару. Впрочем, стенобитное орудие и не должно быть быстрым. Гвардейцу пришлось взбежать по стене, совершить кульбит назад, пропуская магический снаряд под спиной, и, приземлившись на ноги, вновь принять на оружие клинки мечников. Услышав, как позади с треском разлетается дверь с частью стены.

Яо влил в наконечник короткого копья в два раза больше ши, чем требовалось. Столкнувшись с ним оба люедао аккуратно развалились пополам. Обрубки металла упали на пол секундой позже своих владельцев – обратное движение даньчэна снесло им обоим головы.

Попытку одарённого атаковать толчком, сбить с ног или хотя бы замедлить атаку Яо проигнорировал. Аспект был хорош против обычного противника, гвардейца же лишь чуть качнуло напором сгустившегося воздуха. После чего он стелющимся прыжком преодолел разделяющее его и врагов расстояние. И закружился в танце: нырок под пистолет, подсечка, короткий укол в шею, пережат через спину уже мёртвого, но не успевшего упасть, тычок тупым концом в грудь, удар ногой в голову.

И замер – пойманный в объектив фотоаппарата ветер. Ноги широко расставлены, одна рука держит даньчэен за спиной лезвием вниз, вторая – выставлена вперёд. Позёрство, в некотором роде, но дело сделано, так что можно. Уже не спеша огляделся, удовлетворённо кивнул. Не своему умению за шесть ударов сердца убить четверых, а тому, что пятый ещё дышит.

– Где ваш хозяин?

Услышал только булькающий кашель в ответ. Сморщился недовольно – слишком сильный удар в грудь. Вероятно, сломано несколько ребёр, кости пробили лёгкие, которые наполняются кровью. Не жилец.

– Где хозяин? Где гуафанг?

Склонился над умирающим, надавил на грудину. Из рта на подбородок плеснула кровь, глаза полезли из орбит от боли. Сможет говорить? Сможет. Задыхаясь, с паузами, но сможет. Недолго. Две минуты, много – три. Будет?

– Ты ещё можешь выжить, – спокойно солгал Яо. – Мне ты не нужен, только твой хозяин.

– Ушёл... Десять минут... Примерно...

– Куда?

– Не сказал... Звонок... Поднялся... Велел ждать...

Комната дорогого отеля залита кровью и зелёным сиянием ши. Кровь течёт вниз, собирается в лужицы. Ши стремится вверх рассеянным светом. Никто, кроме Яо, не способен оценить этой болезненной красоты. Так всегда было.

– Могу отрубить руку. Будет больно.

– Я правда... я не знаю!.. О тебе... предупредили!.. Сказали... император... послал... пса...

– Кто?

– Не знаю...

Толку от допроса больше не будет – умирающий не врёт. Гуафанг оставил их здесь, чтобы умирая, они дали ему время уйти подальше. Десять минут. Есть ли шанс его догнать?

– Ты он?.. – прохрипел мечник. – Маоши?..

Умирает, но в глазах, там, под болью и страхом смерти, чуть ли не детское любопытство. Двадцать пять или двадцать шесть лет. Обычный боец, поднятый синцами до потолка – телохранителя гуафанга. Бандит, по сути, как и все они. Синцы предпочитают таких вот: тёмных, из глухих углов, преданных и недалеких. Но всякий взрослый был ребёнком, и этот вырос на старых сказках. Одна из которых сидит рядом на корточках и светит мертвенной зеленью. Держит руку на

груди и задает вопросы. Воплощение смерти.

– Да. Я маоши, – отказать в ответе стоящему за пределом?
И оскорбить предков?

– Но... вас... не существует!..

– Я здесь. Не все сказки врут.

Улыбкой ши не одарил – смерть не скалит зубы, но лицо умирающего разгладилось. Его устроил ответ. Раз не все сказки врут, значит и за чертой его что-то или кто-то ждёт. Не пустота, не конец всего. Может предки, а может перерождение – во что он там верил при жизни. Но не тьма и конец всего.

А ещё это значило, что умирать не так уж и страшно.

Боец закрыл глаза и, последний раз выдохнув воздух с капельками крови, умер.

Яо опустил веки мертвецу и с досадой дернул головой. Его долг перед императором заключалось не в убийстве телохранителей! Гуафанг «Нового пути» – вот кто должен был умереть! Но его предупредили. Кто? Не слишком много людей было осведомлены о сути операции. Каждого Яо знал по имени, каждого считал верным. Но кто-то из них предал. Кто?

А это важно? Именно сейчас – важно, от кого произошла утечка? Попытаться догнать или отказаться от погони, вот что нужно решить! Предателем можно заняться и позже!

Лучше бы догнать, но как узнать, куда отправился гуафанг? Опрос персонала? Потребуется слишком много времени

и даст слишком мало шансов. Ши? Так же зыбко, но хотя бы легко проверить!

Зелёным призраком копыеносец метнулся через комнату. Толкнул дверь в ванную, вытряхнул мусорное ведро на пол и оскалился. Крохотный комочек ваты с красно-коричневым пятнышком. Предки благоволят! Кровь принадлежит гуафангу – вряд ли брились телохранители.

Клинок коснулся бурого пятна и в четыре удара сердца впитал его в себя. Ватка усохла, но очистилась, словно кровь никогда не касалась её. И тут же обрушились эмоции. Близко! Очень близко! Он бежит!

Азарт погони швырнул Яо к двери. Лифт? К демонам лифт! Двенадцать этажей он пролетел куда быстрее неспешной консервной банки, только мелькали мимо этажи. Выскочил на улицу, прикрыл глаза и прислушался. Не к шуму города, не к какофонии из автомобильных гудков, выкрикам торговцев, кускам рекламных роликов и обрывкам разговоров. К ши. Дыхание предков пело сейчас заунывную песню под аккомпанемент струн эрху. Рисовала дробный стук сердца беглеца, отражаемый от внутренностей дорогого авто. Шесть кварталов, проспект Воодушевления, поворот на улицу Второй Династии.

Копыеносец открыл глаза, усмехнулся, глядя на испуганных прохожих – гвардейцы давно не показывались на людях. Скрыл ши – всё те же две с половиной секунды – и пошёл по следу, перейдя на лёгкий бег уже через десяток шагов.

В плотном дневном трафике Пекина у Яо было преимущество перед автомобилем гуафанга. Что не отменяло необходимости сообщить полицейским, оцепившим гостиницу, где скрывался чиновник, о вероятном маршруте беглеца.

Впрочем, уже через пятнадцать минут Яо понял, что преследовать беглеца дальше смысла нет. Он ушёл. След, нитью ши вьющийся по переполненным дневным улицам столицы, пропал. Не истончился от увеличившегося расстояния, а просто перестал существовать, словно бы кто-то могущественный развеял технику копьеносца. Об этой вероятности гвардеец подумал во вторую очередь – слишком уж она была невероятна. А сначала просто решил, что способность дала сбой. Что было очень даже возможно, если инструментарием предков пользуется такой презренный недоучка!

Но нет. Это было невозможно. Ши не истаяла, расплываясь невидимым никому, кроме него, зелёным туманом. Не свернула куда-то в иную сторону. Она именно что была развеяна, а струны эрху замолчали, словно их прикрыли ладонью. Всё это значило, что неведомый спаситель гуафанга и теперь продолжал помогать ему.

И плохо, и хорошо. Первое верно потому, что один из ключевых чиновников «Нового пути» ушёл, второе – потому как теперь Яо больше не сомневался в существовании предателя в ближнем круге. Игорь, тот неуклюжий русский боярин, любил так говорить: «Отрицательный результат – тоже результат!» Интересно, куда его забросила воля предков?

Тряхнув головой, гвардеец отогнал подступившее было чувство вины. Нет для него причин: с русским они не были друзьями, лишь временными союзниками. Род Ло служит императору и только ему. И поэтому Яо вовсе не должен оставлять свои обязанности, чтобы лететь неизвестно куда и спасти Антошина! Если хотя бы общее направление было понятно, хотя бы страна, в которой стоило вести поиски – он пал бы в ноги господину и упросил его отпустить ненадолго чтобы помочь вызволить Игоря.

Но как найти человека, который просто исчез со всех радаров? Которого безрезультатно пытаются отыскать лучшие сыскари сразу нескольких стран? Который, по уверениям его избранницы, жив, но находится непонятно где! В данных обстоятельствах куда полезнее отодвинуть в сторону не имеющую решения задачу и сосредоточится на том, что сделать в его силах. Выкорчевать остатки «Нового пути», например!

С бега на быстрый шаг он перешёл, окончательно выполов сорняки вины из сознания. И давая на ходу новые вводные на полицейской волне.

– Маоши, циркулярно всем задействованным в оцеплении гостиницы «Бамбуковый росток». Я потерял след подозреваемого. Повторяю, потерял след подозреваемого. Последнее его местонахождение минуту назад – двести метров от площади Реставрации с северной стороны. Направление движения – запад.

– Имеются ли приметы его машины, господин? – один из

участвовавших в оцеплении детективов задал вопрос сквозь шипение помех. – Я возле площади с северной стороны.

– Нет, – лицо гуафанга было известно всем участникам операции, но выглядеть он мог как угодно, даже в женщину переодеться. А вот машину, на которой он уехал, Яо не видел. Всё, что он знал – сердце беглеца билось в учащённом ритме сильного страха. Но как такая примета поможет его найти, когда ши подвела? – Блокируем район по пять кварталов в каждую сторону от его последнего местонахождения.

– Это же центр, господин! – попытался возразить кто-то из начальников участков, также слушающих переговоры. – В середине дня! Пробки остановят город до вечера!

«Да, но это хоть какой-то шанс поймать беглеца!» – мог бы ответить ему копыеносец. Вслух, однако, очень медленно и значимо произнёс:

– Выполнять приказ.

Его полномочий – доверенного лица императора и начальника его службы безопасности – было достаточно, чтобы потребовать выполнения такого приказа хоть от генерала Цзуна, руководителя полиции Пекина. Да и влияния при дворе хватит, чтобы пережить последствия блокировки центра города в разгар дня. Которые не замедлят проявиться уже сегодня к вечеру. Но то к вечеру – до него ещё много чего могло произойти. А отступить Яо не собирался – слишком много было поставлено на карту. Судьба империи, без всякого преувеличения.

Мягких реформ, как того хотел Чжу Юань, не получилось. До них просто не успели дожить. Нового правителя поддержали почти все службы и ведомства, даже «Длань императора», из-за нерешительности иерархов которой так долго откладывалось необходимое. Армия и полиция присягнули новому Сыну Неба уже на второй день после переворота, когда стало понятно, что во внутрисемейной грызне он всё-таки победил. Тогда же склонились и выжившие смутьяны-родственники, пытавшиеся перехватить инициативу наследника. Всё шло по плану до третьего дня. До момента мятежа «Нового пути». От которого неприятностей ждали, но значительно позже. Не раньше, чем через год.

Чиновники организации, следившей за ограничениями для магического сословия, не вышли на улицы. Они не пытались захватить государственные здания, не строили баррикады и не призывали народ свергнуть с престола отцеубийцу. На третий день, после того, как по приказу Чжу Юаня был задушен его отец, практически все служащие «Пути» просто не вышли на работу. И пропали из своих домов. Целая организация совершила исход, подобный еврейскому.

К вечеру третьего дня начали умирать люди. Не простые подданные – те вряд ли заметили смену власти. Как говорят в Европе: «Король умер – да здравствует король!» Гибнуть стали служащие высшего и среднего звена: начальники министерств, управлений, отделений, даже просто ведущие специалисты. Ваны, простолюдины – неважно. Те, кто под-

держал нового императора. Те, кто сказал или даже подумал, что империи нужно обновление и реформы. Те, кто выступил за будущее, получил удар от прошлого, которое не желало становится скучным абзацем в учебнике истории.

Вооруженные силы, полиция, налоговые и социальные службы, медицина, образование, туризм, строительство – к вечеру третьего дня по всей империи были убиты три тысячи шестьсот двадцать девять человек. Их никто особенно не охранял, не больше, чем обычно – такой массивной и отлично скоординированной атаки никто не ждал.

Одних зарубили после службы по дороге домой, других спалили магическими аспектами прямо на рабочем месте, некоторых расстреляли вместе с семьями. На месте гибели каждого служащего было оставлено послание: красно-белая листовка на грошёвой бумаге. Памятка «Нового пути». Та самая, которую выдавали в родильных домах родителям одарённых.

«Не забудьте поставить ребенка на учёт в ближайшей канцелярии „Нового пути“», – было крупно набрано в верхней части листа.

«Не забудьте проходить процедуру проверки каждый год, начиная с трёхлетнего возраста ребенка,» – сообщалось в середине.

«Помните об обязанности ограничить дар ребенка до полных двенадцати лет!» – строго указывалось снизу.

Своеобразная визитная карточка жестоких преступлений,

совершаемых беглыми чиновниками. Начавших полномасштабную войну против собственного государства. Тайную войну, в которой они не собирались соблюдать никаких правил.

На четвёртый день по стране прокатилась вторая волна убийств. На этот раз к ним хотя бы немного, но подготовились, тем не менее погибло ещё две тысячи семьсот двенадцать служащих. Послание, если кто-то ещё не понял его смысла, окончательно дошло до адресатов.

«Отрекитесь от отцеубийцы!» – говорило оно.

«Не вмешивайтесь!» – твердило оно.

«Отойдите в сторону!» – требовало оно.

Император приказал усилить охрану всех государственных учреждений и даже хотел ввести войска в крупные города. От последнего решения его смогли отговорить советники – неизвестно, как бы отреагировали простые люди, став свидетелями превращения тайной войны в явную. Но полиции не хватало – она ведь тоже попала под удар «Нового пути».

На пятый день было убито девятьсот тридцать верных.

На шестой день началась паника. Верные императору люди боялись возвращаться к своим обязанностям, собирали семьи, бросали нажитое и бежали. Кто куда, лишь бы подальше от службы и всего, что с ней связано. Уезжали в глушь синие и серые халаты, не выходили на дежурство стражи порядка, в некоторых провинциях даже были зафиксирова-

ны случаи, когда не открылись больницы и школы. Власть песком ускользала из рук нового владыки империи. Страна больше напоминала оцепеневшее от ужаса животное, на которого вот-вот прыгнет хищник.

Войска встали на окраинах провинциальных центров к вечеру шестого дня. Сотрудники «Длани императора» забыли, что такое сон, и мотались по стране, выискивая и уничтожая синцев – разговоры с чиновниками «Пути» велись только в допросных, после чего отрёкшихся казнили безо всякого суда. Улицы городов наполнились смешанными патрулями военных и полиции, у которых появилось право задерживать подозрительных на двенадцать часов безо всяких объяснений. К утру седьмого дня, когда скрывать ситуацию уже не имело смысла, империя узнала, что воюет. Причем не с внешним врагом, а сама с собой.

На столбах объявлений, автобусных остановках, станциях метро, дверях подъездов и даже на тачках уличных торговцев едой появились призывы сообщать властям обо всех подозрительных личностях. За головы чиновников «Нового пути», а все они были известны, были назначены крупные награды. К исходу восьмого дня был даже достигнут некий паритет: синцы больше не могли выбивать служащих в таких объемах, как в первые дни, у имперцев же никак не получалось выйти на мозговой центр заговора. Ведь уже каждому в стране было ясно, что убийства верных – хорошо подготовленная операция. Цель которой заключалась в том, чтобы

погрузить Мин в хаос безвластия.

Яо занимался заговором «Нового пути» с самого начала. Это не было его службой – жизненным предназначением копыеносца являлась защита императора. Но в прежней жизни он был детективом, и очень неплохим. Мог бы уже дослужиться до начальника управления, если бы не вскрылась его связь с ши, тогда запрещённая. Пришлось уйти на гражданку, продавая свои умения тем, кто мог за них заплатить, но не желал обращаться к закону. Что дало ему не менее полезный опыт, чем служба в полиции.

И детектив не верил, что инициатива принадлежит «Новому пути». Сама по себе система ограничения дара не была приспособлена к тайной войне против государства, хотя и обладала значительными ресурсами. Кто-то научил их убивать и сеять хаос. Кто-то спланировал это кровавое безумие и сделал это значительно раньше, чем жёлтый шёлковый платок прервал жизненный путь старого императора. Кто-то из членов императорской семьи, формально подчинившихся Чжу Юаню, но продолжавших плести интриги.

Яо ставил на прежнего наследника Чжу Ди. Скорее всего, тот, лишившись благоволения отца, и сам замыслил переворот, только, в отличие от своего младшего брата, ставку решил сделать не на «Длань», а на «Путь». Опоздал, но сдаваться не собирался. К сожалению, как и все прочие сыновья и внуки ушедшего к предкам Чжу Ли, Ди склонился и принёс присягу новому владельцу Мин. Что делало его непри-

косновенным. До тех, разумеется, пор, пока не появятся доказательства его вины. Иначе можно было получить ещё и войну с имперской аристократией...

Чжу Юань одобрил инициативу своего гвардейца и велел доказательства найти. Чем Яо и занимался, охотясь не за рядовыми исполнителями, а за той самой головой, отдающей приказы убийцам – гуафангом Сяолунем. Бывший детектив поднял все свои знакомства и связи, потребовал вернуть все долги, и вот на девятый день, то есть сегодня утром, удача ему улыбнулась. Информация пришла от человека, которого он когда-то спас от букмекера – скромного ночного портье гостиницы «Бамбуковый росток». Обратившего внимание на странного постояльца – тот заселился в пересменку персонала, когда его мало кто мог увидеть.

Информация была проверена, и результаты проверки убедили Яо в том, что она подлинная. Было выявлено, что кроме искомого лидера синцев в ту же гостиницу въехали ещё пять человек, причём все они сняли комнаты на одном этаже, в соседних с гуафангом. В кратчайшие сроки детектив организовал сложнейшую операцию, привлёк к ней лишь самых надежных, как он считал, людей из полиции и собственной службы безопасности. И проиграл. Сяолун не просто покинул номер до прибытия копыеносца, он растворился в городе, спрятавшись от его ши. Это подтверждало теорию гвардейца о причастности императорской семьи – лишь у древних фамилий были возможности противостоять его поиску

по крови. Однако доказательств это не добавляло.

Зато оставался предатель в его рядах. И он мог вывести Яо на истинного кукловода.

Спустя два часа Яо сидел за столом, рассматривая собравшихся по его просьбе людей. Всего трое. Каждому из которых он доверял, и один из которых предал его доверие. И предал империю. Было непросто смотреть им в глаза, задавая себе вопрос – кто?

Шэ Вэйдун, начальник элитного отряда «Журавли». Сорокалетний мужчина невысокого роста, коренастый, с лицом жёстким и невыразительным. Выбритый наголо череп и внимательные глаза, чёрная полевая форма, сидящая второй кожей. Ван аспекта Шуэй. Восемнадцать лет службы, из них последние пять – в должности командира дворцовой стражи. Одним из первых перешёл на сторону Чжу Юаня, помогал в переговорах с руководством «Длани». Мог?

Седой старик, вида настолько киношного, насколько это возможно в современном мире. Длинные волосы собраны на макушке сложным узлом, удерживаемые костяной заколкой, длинные тонкие усы свисают по углам скорбно поджатого рта, длинные брови бросают тень на узкие щёчки глаз. Небесно-синий халат высшего чиновника императорского двора. Лун Юй, аспект Ми. Глава структуры столь же могущественной, сколь и таинственной – «Длань императора». Последним присоединился к заговору и лично наблюдал за смертью старого Сына Неба. Стал бы?

Несерьёзного вида толстяк в летнем пиджачке светло-коричневого цвета. Такой мог бы продавать детворе воздушные шары в парке и смотрелся бы там очень органично. Губы чуть подрагивают во всегдашней готовности сложится в открытую улыбку, а вокруг глаз навеки прописались морщины веселья. Вид совершенно не соответствует содержанию: Генерал Цзун Цзы являлся главой пекинской полиции и владельцем самого агрессивного аспекта Хо. Он?

Конечно, утечка могла пройти не от них лично, а через заместителей, которых, как ни крути, нужно было предельно полно информировать о готовящейся операции. Но если подозрения Яо были верны и за террором «Нового пути» стоял брат императора, то последнее предположение можно исключить. Чжу Ди, как и любой другой член правящего дома, не сделал бы ставку на кого-то ниже уровнем, чем присутствующие здесь. Можно предположить, что сотрудничает родич Сына Неба с иным чиновником, здесь не находящемся, а тому информация как раз поступает от заместителя одного из верных, но начинать поиски предателя всё равно нужно из этой комнаты.

– Сяолуна кто-то предупредил, – заговорил он в тишине небольшой, аскетично обставленной комнаты. – Ему позвонили за десять минут до моего прихода.

Сидящие за столом не стали даже переглядываться друг с другом – слишком опытные царедворцы для такого наивного поступка. Каждый из них прекрасно понял, что произ-

несенные без выражения слова начальника службы охраны императора были обвинением в адрес одного из них. Смотрели молча и ждали продолжения.

– Мой поисковый аспект был развеян во время преследования беглеца. – не стал их томить Яо. Эти его слова прямо указывали на очень сильного покровителя гуафанга.

– Родич Юаня? – мысли командира «Журавлей» отразили подозрения копьеносца. Он давно служил во дворце и точно знал, что если и существует магия, способная развеять поиск по крови маоши, то её носителем является член императорской фамилии.

– Возможно, – раньше гвардеец не делился своими подозрениями о том, что атаками «Нового пути» руководят из Запретного дворца.

– Ди? – генерал полиции тоже размышлял схожим образом.

– Один из подозреваемых.

– У мальчика очень слабый дар, – выразил сомнение господин Лун, по долгу службы знающий в деталях об уровне каждого члена императорской семьи. – Он бы не смог.

– Но он достаточно опытный интриган и мог привлечь на свою сторону кого-то из родичей.

– Мог, – качнул усами и бровями патриарх. – Но дело же даже не в нём, верно, Яо?

– Кто-то знал.

– Много кто знал. Твои подозрения читаются, как следы

на едва выпавшем снеге.

– Я их не скрываю.

– Это понятно. Но вот что ты дальше будешь делать с ними?

– Искать.

– Не веря никому из нас? Один?

– Другие варианты?

– Взгляд Неба. Никто не сможет соврать под Взглядом.

– Просить самого императора проверить своё окружение? – возмутился Яо.

Один из фамильных аспектов правящего дома Мин позволял залезть в голову практически к любому человеку и увидеть его мысли. Не все и только недавние, но и этого бы хватило, что найти предателя или исключить присутствующих из подозрений. Минусы техники заключались в том, что носитель аспекта терял много сил, а испытываемые – разум. Не навсегда, на срок до суток, зато полностью. Буквально превращаясь в новорожденных. Во всех смыслах.

– Но в этом нет унижения ни нам, ни нашему господину! – повысил голос старик. – Если он хочет сохранить империю и власть над ней!

– Я готов пройти Взгляд Неба, – тут же отреагировал генерал.

– Я тоже, – вслед за ним высказался крепыш Шэ.

– Как и я, – улыбнулся Лун подводя итог.

Одного только этого заявления было бы достаточно для

подтверждения невинности. Для любого другого, но не для Яо. Сказать и сделать – разные вещи. Однако проверка – это потеря времени. Которое сейчас несётся, как потерявшая управление колесница.

– Но вы же превратитесь в младенцев! Мы сейчас не можем потерять никого!

– Лучше потерять сутки, чем доверие.

– Узнаем, что никто не виноват, и окажемся в том же месте, с которого начали, – буркнул Яо.

– Но будем уверены друг в друге, – отозвался начальник «Длани». – Чтобы пройти путь, нужно сделать первый шаг.

Он просто обожал крылатые фразы и цитаты из трудов мыслителей прошлого. Но был прав – Яо это признавал. Если есть возможность исключить руководителей, то потерянные ими на восстановления разума сутки будут экономией времени, а не его тратой.

– Если вы все к этому готовы, я буду просить императора о Взгляде, – решил он, наконец. – А пока вы будете приходить в себя, проверю ваших заместителей.

Глава 4

Проверка лояльности

«Ваша репутация с отцом Домиником увеличилась на 5 пунктов!» – радостно подумал я, когда утром десятого дня моего плена магистр Ордена Псов Господних заявился в келью. Поздоровавшись, он положил мне на колени чёрно-белую фотографию. С листа настороженно смотрел средних лет мужчина с грустным лицом брошенного любовника. Щуплый, если не сказать большего, с впалой грудью и выпуклым животом.

Иногда не хватает интерфейса какой-нибудь компьютерной игры. Уверен, многим бы стало куда сложнее вести себя как мудаки, получая всплывающие уведомления о штрафах за кривое поведение. А прочим – легче, зная точно на какую именно твою фразу обиделась девушка. Или, вот как сейчас, получить подтверждение собственным мыслям. Тому, что отец Доминик, хоть и не без вопросов с опасениями, предложенные мной условия принял. Первым шагом к нашей «дружбе» стали книги, теперь вот пришли задания. Очков пять, говорю, не меньше.

– Его зовут Лука Фрозо. Он доверенное лицо кардинала Франко. По... различным вопросам, – обозначив таким образом ручного убийцу, святой отец изучающе посмотрел на

меня. – Я бы хотел просить вас, Игорь, посмотреть его.

– Что именно вас интересует? – уточнил я, чувствуя себя маленькой девочкой-телепатом, запертой в подвалах ЦРУ и вынужденной читать мысли русских шпионов из КГБ. Всё-таки помойка у меня голове от всего прочитанного и просмотренного в жизни.

– Ничего конкретного. Просто посмотрите его...

– Нить.

– Да. Посмотрите его нить и расскажите, что смогли увидеть. Считайте это нашим первым опытом совместной работы.

– Тест?

– Вроде того.

Что-то мне говорило, что отца Доминика не особенно интересует, что я там смогу увидеть про синьора Фрозо. Скорее всего за таким... специалистом следили не менее пристально, чем за мной самим. Куда больше его интересовал сам факт возможности подключения к офицеру соперничающей фракции. Может и не к врагу даже. Нельзя исключать того, что «специалист по разным вопросам» был у магистра на зарплате, а меня ещё проверяют на предмет возможного искажения полученной информации. С другой стороны, падре не может не понимать, что я всё это прекрасно понимаю...

– Ну давайте попробуем, – отогнав в сторону роящиеся мысли, я серьёзно кивнул. Как та девочка-телепат. Уселся на кровать в позе лотоса, закрыл глаза и начал тихонько бор-

мотать бессмысленные слова на неизвестном языке. Что-то вроде мантры, исполняемой мрачным голосом, которая для вхождение в информационное поле была мне совершенно не нужна. Просто не мог лишиться себя удовольствия и немного потроллить моих «партнёров». Да и запутать, если получится – пусть думают, что мне без этого ритуала до видений не добраться. Чёрт его знает, где пригодится маленькая дезинформация?

Вход в поле произошёл буднично, пятый день по несколько раз туда ныряю – наработал определенную практику. Оказавшись над переплетёнными нитями ковра, я вызвал из памяти лицо искомого субъекта и, спустя какое-то время, заметил слегка пульсирующую коричневую нить слева. Подплыл к ней – с лёгкой руки Ирины Олеговны я продолжал использовать морскую символику в работе с полем – и попробовал войти внутрь. Тут же был отброшен серебристым сиянием, возникшим по контуру нити.

Было не больно, если это слово применимо к состоянию отсутствия тела и болтания над гигантским, теряющимся за пределами зрения ковром. Просто преграда, что-то вроде силового купола из фильмов про космические корабли. Невидимый, пока не попытаешься тронуть нить, но внезапно появляющийся, стоит протянуть руку. С подобным я ещё не сталкивался. А потому, до получения объяснений от «заказчика», я решил не изображать из себя ракетный эсминец и проверять защиту на крепость. Вспомнил тепло руки Линь

и вернулся в реальный мир.

– Вашего Фрозо что-то защищает.

Старик не выглядел удивлённым. Скорее он был удовлетворен. Кивнул, принимая ответ, и спросил:

– Вы пробовали преодолеть защиту?

– Нет. Я даже не знал, что так может быть.

– Как видите, может. Луку защищает пророк кардинала Франко. Мне было интересно, сможете ли вы преодолеть барьер, воздвигнутый им.

Разум, получив новую информацию, тут же приступил к её рассмотрению. Значит, пророки могут не только подсматривать, но и защищать от этого? Здорово! Надо обязательно этому научиться. С учётом того, в какие игры я вовлечён, крайне полезно обладать таким умением. Это же... Стоп! Как он сказал? Пророк кардинала Франко?

В этой короткой фразе для меня было очень много смысла. О наличии пророка у фракции, возглавляемой кардиналом, который сотрудничал с Потрошителями в истории с похищенными и зомбированными ваннами, я знал и раньше. А вот про такое его обозначение как «пророк кардинала» – ещё не слышал. Собственническое такое, неприятно резанувшее слух. Можно, конечно, предположить, что это такая фигура речи, вроде «мушкетёров короля» и «гвардейцев кардинала». Но, на минуточку, мы говорим о пророке! Об уникальном, мать его, юните! Об одном из пяти ныне живущих на всём белом свете! А Доминик про него как про собачку упо-

мянул!

Или я накручиваю, или таково положение дел. Ставлю на второе. Пророки – марионетки в руках кукловодов-кардиналов. Возможно... Да что там возможно! Так и есть! Понтифик, правящий пророк Римской церкви – не более чем инструмент тех, кто на самом деле правит Ватиканом. Не то чтобы судьба Папы Римского меня как-то интересовала, но, блин! – мне же пытаются устроить точно такое же будущее.

Накручиваю себя? Вообще-то имеется у меня склонность к подобному. Но не в данном случае. На сто сорок шесть процентов, что догадка, появившаяся из оговорки магистра, верна. Пусть будет интуиция, если угодно. Но... А вот, например, такой факт о чём говорит: я знаю имена трёх ватиканских кардиналов, вовлечённых в большую и подчас непонятную игру, а про пророков, кроме обозначения принадлежности к фракции, ничего. Только «его пророк». Был ещё Экхарт, конечно, но с ним понимания ещё меньше.

Спокойно, Антошин! Улыбайся... Нет, не улыбайся – это будет подозрительно. Задумчиво размышляй над способами преодоления защиты, вот. Хмурь лоб, шевели губами, вспоминай про белую обезьяну, но не показывай истинных чувств. Проклятый папист сам, наверное, не понял, что именно он мне сейчас сказал.

С другой стороны, я же тоже их обманываю. Так что всё честно...

– Попытаться-то можно, – ответил я, всем лицом изобра-

жая сомнение. – Но знаний у меня пока не очень много.

– Так читайте, Игорь, – мне послышалось лёгкое раздражение в голосе магистра. – Вся библиотека обители к вашим услугам.

– Может, посоветуете с чего начать?

– Уверен, вы найдёте необходимые сведения, – отрезал старик, скрывая за раздражением, как мне показалось, неуверенность. С чего бы, интересно?

– На это может уйти очень много времени...

– Куда-то торопитесь? – пожал плечами собеседник. После чего развернулся и вышел из кельи. Как господин: поставил слуге задачу и пошёл прочие дела решать. Тут и тупица бы окончательно убедился в уготованной мне роли «мушкетёра короля». То есть, «пророка кардинала».

Дни в монастыре доминиканцев пролетали, как сверхзвуковые истребители, хотя одновременно с этим – ползли, словно никуда не спешащие дирижабли. Первая проверка, сегодняшняя то есть, произошла только на десятый день плена. Я уже успел забыть о жуткой головной боли, мучавшей меня двое суток, но ещё путался в языках. Зато читать мог, и это, несомненно, огромный плюс. Но лучше по порядку.

Начнем с того, что отец Доминик мне солгал. Голова, после скоростного обучения латыни, болела не один день, как он обещал, а два. Жуткая, абсолютно непобедимая боль, по сравнению с которой самое страшное похмелье покажется

лёгкой мигренью. Я просто лежал пластом, а когда накапливал немного сил, тратил их на тихое поскуливание.

Даже спать толком не удавалось: периоды наполненного болю бодрствования, сменялись короткими провалами в бессознательное, где мозг, возмущенный форсированным методом обучения, порождает чудовищ и формы составления предложений на мёртвом языке. Все эти аффиксации, словосложения, отглагольные существительные... В общем, *Si tu vales, bene est. Ego valeo.* [Если ты здоров – хорошо, я здоров (лат.) – устойчивая фраза в начале писем римлян]

Утром третьего дня, после применения мнемонического заклинания, я проснулся свежим, бодрым и отдохнувшим. Будто и не было двухдневного кошмара. Тут же потянулся к одной из оставленных отцом Домиником книге, раскрыл её наугад и, совершенно не смущаясь латиницы, прочитал:

«И вот будто прорубил кто окно из мира вещного. И в том отверстии увидел я Зверя о семи головах, и каждая из голов тех изрыгала пламя разных цветов».

Усмехнулся, подумав о том, как тяжело приходилось пророкам в шестнадцатом веке понимать и классифицировать свои видения, и закрыл книгу. Методика отца Доминика работала.

Не сразу я сообразил, что путаница с языками, которую мне предрекали – не настолько безобидный побочный эффект. До сих пор я не вполне понимал на каком языке говорю: на русском или на латыни? Хорошо ещё мои тюремщики

прекрасно понимали и тот, и другой.

Некоторые сложности возникли там, где я никак их не ждал. В пометках, которые я оставлял на листе бумаги. Вот заинтересовал меня, к примеру, способ вхождения в поле некоего пророка, жившего двести лет назад, и сделал пометку «попробовать». Только написал это на латыни, а не на родном великом и могучем. Эдак, придётся записку на волю писать – не поймут ведь! Магистр же в ответ на моё беспокойство пообещал, что и это скоро пройдёт. Побочный эффект, который именно у меня почему-то держался очень долго.

Как я понял, старикан просто слил мне в голову всё своё знание латыни. Все годы обучения и практики – сжатым заархивированным пакетом. И сейчас он распаковывался, прописывался в реестрах памяти и конфликтовал с ранее подключенными языковыми модулями. Такое вот магическое гипнопрограммирование. Болезненно – не отнять, но зато язык латинян я познал сразу и вдруг. Мог не только свободно читать классические тексты, но и щегольнуть мудрёной фразой из культурного наследия римских философов, причём с отличным произношением, а не студенческим «Квод лисед йови, нон лисед бови».

А ещё я бонусом получил шикарный набор ругательств на латыни. Правда, после первой же фразы, мне тут же запретили выражаться в стенах монастыря. Ханжи!

До вчерашнего дня мозг всё ещё продолжал усваивать насильственно запихнутые в него знания и периодически выда-

вал обмороки. Секунд на пять, ничего страшного, но в первый раз, когда кто-то вдруг выключил свет посреди солнечного дня, я перепугался знатно. Сегодня, надеюсь, такого не случится, но, если что, сиделка Тень по-прежнему ходит за мной тенью.

Последний, кстати, обесточил-таки «глушилку» – первые пять очков репутации с отцом Домиником, но продемонстрировал как быстро может её включить обратно, если понадобится. Получилось впечатляюще – меньше секунды, я даже эфирный доспех нормально призвать не успел. А в рукопашной с этим монстром кунг-фу у меня шансов не было никаких.

Так что на сегодняшний день баланс остался прежним: плен, надсмотрщик, монастырь в Южной Америке, туманные просьбы подождать в ответ на вопросы что же я должен делать в рамках нашего сотрудничества и неосведомленность князя Пояркова о моём местонахождении. Мне продемонстрировали добрую волю и пряники, но поводок оставили. Дружба, как говорится, дружбой, а топор далеко не прячем. Но я всё равно был доволен. Первый шаг на пути освобождения был сделан, дар при мне, а остальное – детали. Которые, как ни стыдно мне в этом признаваться, я ещё не продумал. Но обязательно это сделаю!

Вот только уровень знаний подтяну немного. Это сейчас абсолютно критично. Сотни книг ждали своего часа: написанные от руки, отпечатанные древними прессами, более со-

временными линотипамии и матрицами. Информация, ставшая такой доступной, превращала книги в колонну грузовиков с пряниками, перевернувшийся прямо у дверей кельи.

Подозреваю, по настоящему серьёзных и секретных техник мне не дали – может пока? – но и того, к чему допустили, хватило, чтобы полностью завладеть моим вниманием.

По пророческому дару у католиков было много всего. Начиная от правильных браков, в результате которых на свет мог появиться ребёнок-пифия, и заканчивая практическими руководствами по обучению одарённых. Не все были ко мне применимы – я, к примеру, не планировал уходить в пустыню на сорокадневную медитацию, да и возможности не было, но кое-что можно было использовать и в моих обстоятельствах.

Основной же бедой было огромное белое пятно в том месте, где полагалось находится пособиям по работе с информационным полем. Всё-таки святая святых дара писалась всё со слов самих пророков, живших в разные эпохи, да ещё и воспринимавших его каждый по своему. Один, например, видел огненные письма на листах пергамента, в коих и находилась информация, другой получал во сне образы библейских притч и уже потом переводил их на человеческий язык и примерял к реальному миру. Нострадамус, тот вообще катрены писал, не все из которых сам-то понять мог.

Но, на моё счастье, были и сведения утилитарного характера, то есть не зависящие от эпохи, в которой жил пророк

и его личного восприятия – методика поиска нужной информации. В большинстве случаев, я просто полагался на подсказки самого поля, выглядящие как подсветка нужных нитей, но оказалось, что и внутри потока можно вычленять нужную информацию, отбрасывая несущественную.

Таким образом, вчера я просмотрел полноценный фильм про похождения вана Ло в столице империи Мин. Внятный, логически последовательный, что дало мне очень полную картину бардака, царящего в Китае после моего отъезда. И ответ на вопрос – чего это товарищи не спешат меня искать.

К сожалению, методичка католиков хотя и помогла ориентироваться внутри самой нити, но никак не поясняла, как самому выбрать нить. Или определить кто за каким цветом скрывается. Инфополе упрямо тащило меня туда, куда считало нужным, подсвечивало важное с его точки зрения, и жутко сопротивлялось, если намеревался свернуть в другую сторону.

А такие были надежды, блин! Я-то думал, что в видениях подсматриваю планы ближайшего будущего своих тюремщиков и себя самого... Или какой-нибудь секрет Тени, который позволит мне игнорировать его глушилку. Черта с два! Нити магистра и его ищейки я даже найти не смог, хотя того же Луку обнаружил, стоило только фото показать.

В то же время мне было немного стыдно. Перед друзьями и родичами. Они меня там все ищут, кроме очень занятого гражданской войной Яо, хотят спасти, планету, можно ска-

зять, с ног на голову ставят, а я такой сижу, книжки почитываю. Выглядит так, будто отлыниваю от дела. Но я умело утешал себя, что я не просто так сижу, а, выражаясь термином компьютерных игр, качаюсь. Повышаю свой уровень знаний и, что куда важнее, силы. Маг-недоучка и пророк-бестолочь освободиться не сможет, а вот подготовленный одарённый с очень хорошим потенциалом – вполне.

Но вернемся к задаче, поставленной отцом Домиником. Нравится мне его рабовладельческое отношение или нет, но расположить старика надо. Мне чётко и недвусмысленно дали понять, что продолжение «сотрудничества» невозможно без способа взлома защищённой линии Луки Фрозо. А значит, придётся найти способ вскрыть защиту.

В книгах ответ искать бесполезно, хоть всю библиотеку перерой. Если бы где-то на пожелтевших ветхих страницах был записан способ преодоления защиты пророка, магистр просто протянул бы мне нужный том с закладкой на странице и подчёркнутым абзацем. А раз этого не произошло – ну, правда, не будет же он меня строить, как новобранца в армии, найди, мол, сам – значит и он не знает. Об этом, кстати, свидетельствует и его раздражение с оттенком неуверенности, которые я услышал в последней обращённой ко мне реплике.

Да и потом, стал бы кто доверять такие сведения бумаге? Я бы вот точно нет! Такие секреты передаются только устно, от учителя к ученику. А с учётом того, что «настройки» для

работы с полем у всех пророков разные, то не факт, что мне подойдет чужой способ. Итого: книги – ложный след. Только время зря потеряю. Но тогда что? Как и где искать? Эх, Самойлова бы сюда с его аналитическими способностями. Мигом бы всё разложил по полочкам!

«Ты не оператор, а инструмент,» – прозвенело вдруг в ушах. Натурально так, я даже по сторонам заозирался. Разумеется, в келье я продолжал оставаться один, но голос сестры князя Пояркова и моей наставницы был настолько реален, словно она сидела в полуметре.

А ведь я помню этот разговор, который мне подсунула услужливая память. Это ведь моё первое «погружение» в пророческий транс и слова Ирины Олеговны, звучащие как мантра.

«Ты не сможешь управлять пророческим даром. Никто не сможет. Это редчайшее проявление силы, данное человеку. Он будет управлять тобой. Ты не оператор, а инструмент. Проводник. Слуга. Труба, по которой бежит вода. Сосуд, но не содержимое. Прими это. Не пытайся управлять кораблём, скачущим на ладонях урагана. Отдайся во власть стихии и держись лишь за самое себя».

Я ещё тогда вяло возмутился про себя – отличный, мол, настрой на победу. И только сейчас, обретя небольшую практику работы с даром, понял, что она говорила. И, кажется, начал нащупывать ответ на вопрос.

Даром не управляют. Даром пользуются. Ответ, как бы

смешно это не звучало, сокрыт в самом значении слова. Подарок. Что-то, что не принадлежало мне изначально, но дано в пользование. Поэтому информационное поле подсвечивает нужные мне нити, но не дает выбирать их самостоятельно. Оно считает нечто важным для меня, или для целостности узора – я уж не знаю, и показывает это. Просто тащит туда, как бы я не сопротивлялся.

Но это же, в свою очередь, значит, что снять защиту я не могу, поскольку постановку и снятие тоже должно контролировать поле. Стоп-стоп-стоп! Всё это, конечно, логично и стройно, но есть одно «но». Те, кто поставил защиту на нить человека кардинала Франко, они что же – не пользователи? Им, значит, можно, а мне нельзя? Но это, извините, чушь антинаучная! То, что сделано одним человеком, может быть повторено другим – это основы научного познания! Если так – а это именно так! то я могу преодолеть защиту.

Но как?

Спросить у поля!

Возбужденный столь простым решением, я быстренько провёл все необходимые манипуляции и оказался висящим над ковром. Как и всегда, нити разных цветов переплетались друг с другом, образуя узоры, значения которых я не в силах был понять.

Так, и что дальше? Просто спросить?

Я попытался сформулировать в голове вопрос: как преодолеть защиту, поставленную на нить человека? Ковер ни-

как не отреагировал.

«Как мне преодолеть защиту?» – тщательно «выговаривая» каждое слово, повторил я.

Ничего. Абсолютное космическое равнодушие. Я ещё какое-то время повыкрикивал в пустоту вопрос, хотя и понимал уже – эксперимент провалился. Где-то в своих рассуждениях я допустил ошибку. Ну и потом, Антошин, ну не могло быть так просто! Пришёл, спросил, получил ответы – так не бывает!

И именно в этот момент на периферии зрения запульсировала одна из нитей. Далеко, практически на самой границе видимого мне куска ковра. В другое время я её даже не заметил бы, но сейчас, ища ответы, старательно крутил головой.

Рванул к нити быстрее, чем успел об этом действии подумать. Ни цвета её не видя, ни пытаюсь понять, что же там скрывается в её глубине. Оно, может, и не очень умно, но так ведь поле ответило! Я был прав! Да и неприлично от подарков отказываться.

Она была красной. Точнее, ярко-алой, как артериальная кровь. По мере приближения, не иначе как из-за цвета, нить становилась похожа на кровеносный сосуд. Она, кажется, даже пульсировала в такт бьющемуся неведомо где сердцу. Жутковатенькое зрелище, я скажу, особенно если учесть, что сплеталась она с подобными же кровавыми нитями.

И вот здесь, значит, я получу ответы, да? Нет, я так-то благодарен, но нырять в кровищу совсем не хотелось. А ка-

залось, что именно в неё я и окунусь, приблизившись.

«Ладно, Антошин, хорош труса праздновать! Кровь-не кровь, а посмотреть, что там внутри нужно».

С этими словами я погрузился в нить, теряя себя и становясь кем-то другим.

Куава придирчиво осмотрела пустую тарелку, заметила на её ободке пропущенное кукурузное зёрнышко, аккуратно подцепила его двумя пальцами и отправила в рот. Вот теперь обед можно считать завершённым – еды было не настолько много, чтобы игнорировать даже самую маленькую крошку. Следовало пополнить запасы, но... Для этого требовалось ехать в город. То есть спускаться с гор, обходить заставы чужаков, торговаться и тщательно маскировать следы по дороге домой. То есть делать всё то, что она умела, но не любила. Лучшее уж сократить рацион и оттянуть неизбежное на несколько дней, чем идти в Ку́ско.

Она поправила волосы (купить репейное масло), положила тарелку в раковину с потрескавшейся эмалью (средство для мытья посуды), вышла на улицу (сапоги с шерстью ламы) и уселась на камень у порога, служивший скамьёй и разделочной доской одновременно. Привычно окинула равнодушным взглядом свои владения: безлюдные и холодные Медные горы. Владения её семьи и убежище от мира для неё. Бородатые чужаки поднимались сюда только для того, чтобы поставить очередной идиотский рекорд восхож-

дения. Будто бы деду Саусираю было не всё равно, кто из короткоживущих насекомых топчет сейчас его каменную шкуру.

Здесь она была в безопасности. Если такое можно сказать про кипукамайоки [хранитель кипу – узелковых писем] мёртвого рода. Но так ведь мёртвого же! Знал бы кто, что жив хоть один потомок Вайна Капака – не спряталась бы Куава и в заброшенной деревне высоко в горах. Искали бы. Методично, привлекая собак, вертолеты и спутники. И бывших подданных, давно забывших, что такое свобода – последние опаснее всех иных средств, потому что могут ходить там, куда боятся ступить бородатые.

Вдруг сделалось горько и больно: за жизнь, подчинённую одной лишь цели, за голод и холод, за отсутствие детства и обречённость будущего ребёнка. Так тоскливо, что Куава не выдержала и закричала в полный голос.

– Зачем я родилась?! – женищина топнула ногой в холщовом сапоге по каменной крошке. – Зачем длить агонию?! Пусть мёртвое умрёт!

Предки посмотрели на последнюю инку и с понимающей улыбкой покачали седьми головами.

– Хватить! Я не буду рожать дочь!

Гулом сорвавшейся лавины донеслись слова Саусирая. Всего три слова, но после них женищина стыдливо спрятала глаза за рукавом.

«Я понимаю, нюста [девочка, применительно к особе ко-

ролевской крови]», – сказал дед.

А что он ещё мог сказать? И что она могла сделать? Право выбора у неё забрали в тот миг, когда мать перерезала пуповину обсидиановым лезвием. С этого момента у неё было только обучение и служение. С тем, чтобы однажды передать свою память и два сундука разноцветных ниток другой девочке, лишённой детства и права выбора.

Куава решительно поднялась и пошла собираться в дорогу. Хочется ей, не хочется, а припасы надо пополнить. Зимы в Андах жестокие.

«А может сразу и забеременеть? – словно забыв, что она только что кричала холодным горам, задумалась женщина над походной сумкой. Глаза привычно проверяли снаряжение, а мысли вновь свернули на болезное. – Спустится к людям, найти мужика покрепче, да и перезимовать у него? А как дочка родится – обратно?»

Мысль была одновременно притягательной и мерзкой. На одной чаше весов расположились одиночество и холод в душе, который растопит маленькая инка, на другой – вонь тел кечуа, жить с которыми придётся почти год. Нет! Она ещё не готова к этому! Да и рано ещё, в кипу чётко говорилось, что рожать ей следует после тридцати прожитых зим, только тогда кровь рода гарантированно подавит кровь отца. Не стоит рисковать будущим.

Прозрачные пяточки маленькой инки, которую она называет Ахчок, ей не увидит ещё пять или шесть зим. С этим

нужно смириться. Как с голодом, холодом, одиночеством и терзающими душу сомнениями. Эти годы, как мать и говорила, не пройдут даром. Станет совсем тоскливо, и тогда мысль о соитии с мужланом-кечуа не будет казаться такой отвратительной. Одиночество и холод избавят от глупой требовательности и доведут до того, что она сама прыгнет в постель к отцу будущей дочери.

«Да, – прогудел ледник. – Цепь не должна разорваться».

– Да, дедушка. – ответила Куава. – Я не подведу род.

Вышла из дома и быстро зашагала по едва заметной среде камней тропе.

Вынырнув и взлетев над ковром, я совершенно серьёзно спросил у окружающего пространства.

– Ну и зачем мне это было показывать?

По правде сказать, я совсем запутался. Девчонка-индианка в горах, душевные терзания, нерождённая дочка. Что всё это должно значить?

Ответа я не ждал, но он прозвучал. Поле использовало тот язык, который был ему доступен – алая нить ненадолго окуталась прозрачным коконом. Точно таким же, как я видел у Луки Фрозо.

– У девчонки есть способ взломать пророческую защиту! – дошло до меня.

На радостях я исполнил безупречную мёртвую петлю: почему бы и нет, если отсутствие физических законов позво-

ляет это сделать? Спустя миг радость поутихла.

– А как мне этот способ у неё получить? Ты же не предлагаешь просмотреть всю её жизнь?

На сей раз поле никак не ответило. Думай, мол, я тебе всё показало. Вид из жилища, название горной гряды и города. Тут и слепой не заблудится.

Этот вариант мне не понравился. Да, девчонка мне была нужна, но как-то по свински было с ней так поступать. Тем не менее, едва вернувшись в реальный мир, я, не успев даже подумать об ином варианте, отстучал в стену кельи сигнал. Добавив голосом:

– Альдо, зайдите! У меня к вам поручение. Городок Кúско далеко от нас?

Глава 5

Кровь Инту

Доминик на информацию о девушке по имени Куава среагировал странно. Нахмурился, задал несколько уточняющих вопросов, после чего умчался, сыпя на ходу указаниями. Оставив меня вместе с Альдо, который не мог или не хотел объяснять странного поведения магистра. Как и я – своего.

Нет, я всё понимаю: увидел девчонку, понял, что она как-то может мне помочь с разрешением задачи, заданной папистом, но сдавать-то её сразу было зачем? Не подумал, не взвесил все «за» и «против», не просчитал варианты. Просто вернулся из путешествия по инфополю и тут же, с какой-то несвойственной мне радостью Павлика Морозова, слил инку Псам Господним! А она ведь прячется. И, наверняка, делает это не из любви к искусству!

Понятно, что она была мне нужна. Если она носитель нужной информации, без неё мне не укрепить отношения с Домиником. А я в плену, сам поехать в этот Куско не могу. С этой стороны, моё поведение выглядело логичным, но... Чёрт, ну можно же было просто понаблюдать за её нитью и так найти нужные мне сведения! А я...

Было в моём поведении что-то неестественное. Проана-

лизировав произошедшее, я пришёл к выводу, что подобная реакция, при всей моей легкомысленности, мне не свойственна. А будучи крепким параноиком, которые, как известно, выживают, я тут же заподозрил, что магистр, одновременно с пакетом информации по латыни, внедрил мне в голову ещё что-то. Возможно, установку говорить правду или что-то в этом роде. Таковую своеобразную страховку. Почему нет? Если обучение языку основывалось на гипнозе, пусть и магическом, то что ему мешало сделать дополнительную настройку?

Если я прав, а внутренний голос, падлюка, считал, что так и есть, то я в заднице. И дело даже не в девчонке, хотя её и жалко. Все сведения, которые я попытаюсь утаить от папистов и использовать в своей игре против них, станут известны магистру, стоит ему задать вопрос. Тут уже не получится утаивать правду от видениях или кормить противника дезой. Я стану инструментом католиков, тем самым «пророком кардинала». Если уже не стал...

С трудом я дождался ночи. Так уж вышло, что обсудить положение я мог только с одним человеком. С тем самым, по вине которого и началась вся эта история с магами, политикой и интригами. Со своим двойником, отбывающим пожизненную ссылку в моём мире.

«Какие новости?» – жизнерадостно поинтересовался тот, появившись в месте, которое, кроме как «ничто», и не назовёшь. Опальный боярин именовал его Изнанкой.

Судя по настроению двойника, его новости были хороши-ми, правда, рассказывать о них мне он не спешил. Я сделал зарубку в памяти, что нужно его всё-таки расспросить, как он там дни коротает. Сейчас же меня это интересовало слабо. поприветствовал его, да и вывалил всю историю с поручением магистра, пророческим барьером, девушкой-инкой и своими подозрениями.

«Умеешь же ты влипнуть в неприятности! – с каким-то даже восхищением протянул ссыльный боярин, когда я закончил рассказ. – Живая инка! Рассказать кому – не поверят!»

«А более развернутый ответ я могу услышать?» – несколько раздраженно буркнул я.

«Да без проблем! С чего начать? С последней инки, которую ты отправил на смерть, или с ментального блока магистра?»

«Всё настолько хреново?» – имея в виду девушку спросил я.

Двойник кивнул.

«Слушай, ты как-нибудь выбери время и попробуй хотя бы основные вехи моего мира изучить. Не-не, я понимаю, что всего ты прочитать не сможешь в принципе, но, Игорь, падение Кровавой Империи – эпохальное событие! Можно сказать, поворотный момент истории! Чёрт его знает, как бы выглядел наш шарик, кабы этого не произошло».

«Я читал про Америки. Глушь и куча банановых республик!» – буркнул я уязвлено. Так-то двойник был абсолютно

прав – надо понимать мир, в котором живёшь. Но где, блин, взять время на чтение учебников истории?

«Это сейчас так. А примерно четыреста лет назад совсем не так было. Ватикан тогда последний крестовый поход организовал против Империи Инков. Считай, все европейские государи там отметились! Да и не только они...»

На последней фразе он отчего-то помрачнел, но буквально на секунду, после чего вновь вернул на лицо обычное выражение. А я, опустив до времени эту «тучку на челе», стал пытаться двойника по истории. Выходила она больше похожей на страшную сказку, чем на реальные события, но тут уж надо делать скидку на особенности Параллели.

В конце пятнадцатого века, прямо как у нас, испанский мореплаватель открыл новый континент. Плодородная земля, мягкий климат, чудные растения и люди-дикари, не способные остановить суровую конкисту. В течение лет двадцати колонизаторы успешно грабили местное население, вывозя в Старый свет тонны золота, драгоценной древесины, табака и какао-бобов. За это время успели появиться вполне оформленные колонии европейских держав. Территорию на побережье успели за столбить испанцы, португальцы, французы и англичане. В общем, всё по учебнику истории моего мира.

А спустя двадцать лет, в начале шестнадцатого века – двойник точных дат не помнил – европейцы забрались поглубже и столкнулись с инками. На этом, в общем, колони-

зация и закончилась. Могущественные индейские маги смели белых людей с побережья за пару лет. Это была не война, а тотальное, планомерное уничтожение. Не велись никакие переговоры, не брались пленные – их резали на алтарях тысячами, усиливая пролитой кровью магию хозяев Америки. Тогда, кстати, империю инков и стали называть Кровавой.

К 1527 году в Новом свете не осталось поселений белых – инки вырезали всех. Не пощадили они и индейские племена, служившие неудачливым колонизаторам. Разумеется, европейским монархам, точнее их шефу – Ватикану, такое очень не понравилось. И тогдашний понтифик, чьего имени цвет русской аристократии в лице Игоря Антошина тоже не смог вспомнить, объявил крестовый поход против краснокожих колдунов.

Предложение католиков мировое сообщество восприняло с огромным энтузиазмом. Их можно понять: военная добыча, безнаказанность, приключения. Всего-то и надо привести к повиновению горстку дикарей! На зов иерарха церкви откликнулись и цари, и авантюристы. Сотни кораблей с одарёнными устремились к новой земле, заочно считая себя победителями. И умылись собственной кровью по прибытии. Уцелели от силы пара десятков судов и несколько тысяч человек. Все остальные нашли свою смерть в бою или на каменных алтарях инков.

И вот тогда Европа психанула. Несколько монархов лично отправились в Америку и там, не осуществляя высадки,

принялась бомбардировать земли Кровавой Империи царским даром. Джунгли и горные хребты вкусили весь арсенал высшей магии. Там были и Казни, и Топь, и Мор, и Небесный Пламень. Когда королевская кровь успокоилась, на континент вступили маги попроще, сопровождаемые огромным десантом обычных людей. Второй крестовый поход против инков вступил в завершающую стадию.

Католики вырезали народ под корень. Не щадили никого из племени, осмелившегося бросить вызов белому человеку: ни младенцев, ни стариков, ни женщин. «Дьявольскому роду», как называли инков паписты, было отказано в праве на жизнь. Как и их наследию – храмовые комплексы, города и малые поселения инков срывали до основания.

«А теперь, выходит, что вырезали не всех, – закончил рассказ двойник. – Представляешь, как обрадовался твой магистр?»

Я только молча кивнул. Слов не было. В горле стоял комок. Моя глупость или блок в голове от Доминика – неважно! привели к гибели последнего представителя древней цивилизации. Таким куском дерьма я себя никогда ещё не чувствовал.

«Вряд ли Доминик её уьёт, – словно подслушал мои мысли Игорь. – Сама по себе она не опасна, а её знания представляют огромный интерес. Скорее всего, её привезут к тебе, чтобы ты смог получить ответы на вопросы, а потом запрут, как и тебя, в каком-нибудь монастыре, и до конца жизни она

будет переводить свои верёвочные письма для папистов».

«Утешил!» – буркнул я.

Двойник только плечами пожал, мол, и в мыслях не было.

«Поярковы, кстати, во втором крестовом походе участвовали,» – «вспомнил» вдруг Игорь.

Я посмотрел на него удивленно. На моём лице без всяких слов отпечатался вопрос: «Каким, интересно, боком, русских князей занесло в Америку?»

«Что тут скажешь – помотало нашего патриарха! – хочотнул Игорь. – Как ты думаешь нашему роду стол достался на Дальнем Востоке? Мы же от Кашинских род ведём – тверские князья, боковая ветвь. В конце пятнадцатого века Тверь силой присоединили к княжеству Московскому, вырезав основную линию. Даниил Поярков, основатель рода князей Благовещенских, сумел бежать, подался в лихие люди, фактически наёмники. Носился по Европе, рассчитывая добыть денег и земли службой европейским государям, но ничего у него не вышло. А потом этот крестовый поход – как тут было не поучаствовать? Видать, рассчитывал, что в Новом свете отхватит землицы, да свой род возродит».

«И что?» – я увлёкся новой историей и поторопил замолчавшего двойника.

«Что-что! Дали ему там земли, ага! Нужны были европейцам русские на уже поделенных между собой территориях! Повоевал, крови полил – молодец! На тебе золота и вали обратно в свою глушь! С другой стороны, без той мошны, в

Америке раздувшейся, не было бы у предка средств на организацию похода в Сибирь и на Дальний Восток. Говорят, но это не факт – так, преданье семейное – что одна из жён Данииловых из инков была. Мол, спас её наш герой, от всех утаил и домой привёз. Сказка, скорее всего. С другой стороны, в нашей крови столько народов отметились, что я бы не удивился, будь это правдой!»

Пропустив романтическое предание о спасённой «принцессе» мимо ушей, я задал более интересовавший меня вопрос:

«Я читал, что колоний европейских в Америках нет. Только страны со смешными названиями».

«А их и нет, колоний-то. Они и были-то в основном по береговой линии, да по местам месторождений. В глубине континентов, говорят, до сих пор дикари полуголые бегают. Века до восемнадцатого захваченные территории просуществовали под прямым контролем Европы, пережив, в процессе, с десятков восстаний. Потом папская диктатура приказала долго жить, а в одиночку содержать и контролировать удалённые от метрополии анклавов стало накладно. Европейцы быстро пришли к выводу, что грабить местное население куда выгоднее, не держа там гарнизоны. Дали тем независимость, посадили на царство лояльных людей, да и продолжили ресурсы сосать. Только теперь это называется „экономическим сотрудничеством“ – смотри не перепутай в приличном обществе!»

В завершении реплики двойник хохотнул. Я же, узнав что хотел и даже больше, перевёл разговор на ментальный блок магистра.

«Без понятия! – отозвался Игорь. – Я не говорю, возможно это или нет – я про такое не слышал даже, но это же Ватикан! Исходить лучше из худшего: раз ты чувствуешь, что твои реакции нетипичны, значит, скорее всего, ты на крючке. Но как с этим бороться – не скажу».

«И тут тупик. Плохо! Попробовать через инфополе выяснить, что мне там в голову подсадили? Так себе идея, прямо скажем, но другой-то нет!»

«Ты бы, к слову, тренироваться продолжил, раз тебе дар разблокировали, – обронил двойник, когда я уже попрощался с ним и собрался выйти из сна и поспать. – Потенциал у тебя мой, а реальные возможности на уровне слепого котёнка!»

Тут он был прав. Снова. Как события будут развиваться – неизвестно, но любой козырь в рукаве мне пригодится.

«Как ты себе это представляешь? – тем не менее, не иначе как из вредности спросил я. – Думаешь, Тень будет спокойно смотреть, как я совершенствуюсь?»

«Здесь тренируйся! – изобразив на лице гримасу, демонстрирующую его отношение к моим умственным способностям, отрезал он. – Я помогу».

«А тут можно?» – зачем-то оглядывая отсутствие всего, удивился я.

«Практике – нет. Но теории – вполне».

Не лишённая, кстати, смысла мысль! Желание уйти сразу пропало.

«Давай сразу и начнём! Я тут в местной библиотеке нашёл описание одной магической техники, называется „Бие-ние сердца“. Мало что понял. Может ты прояснишь?»

Жизнь – удивительный махинатор, куда там Остапу Бендеру! Человек, с идиотских планов которого и началась моя жизнь в мире «меча и магии», сидел рядом со мной в пространстве между мирами и растолковывал тонкости работы со жгутами дара. Да, я всё ещё держался с ним настороже, помня о его подвигах, но временный союз мы всё же заключили.

Не сказал бы, что в плену я стал смотреть на него другими глазами. Ссылный боярин остался тем же человеком, которого князь изгнал из родного мира. То есть самолюбивый, заносчивый и, в отличие от меня прошлого, очень амбициозный. А ещё избалованный, точнее, с детства привыкший к своей избранности и не терпящий иной точки зрения. Жестокий – это да, но при этом не злой. Клубок противоречий, как, впрочем, и каждый из людей.

Зато консультант из него вышел отличный! Было бы странно, будь иначе – с его-то знаниями о здешней политике и боевой магии! Чувствовалось, что учили мужика на совесть. Не гугл, конечно, но технику, найденную мной в кни-

гах католиков, он распознал на раз.

Она оказалась не боевой, но очень, при этом, полезной. «Биение» позволяло обнаруживать живых существ, точнее – их сердечный ритм. «Работало» на оранжевом цвете дара и, при должной тренировке, могло дать радиус обзора метров до пятидесяти. Как сказал двойник, в технике было что-то схожее с умением наставников видеть ауры. Она не была секретной, но мало кто из одарённых знал о ней, и ещё меньше кто включал в свой активный арсенал. Не по причине сложности или ещё чего, скорее, техника просто устарела. Искать противника в городе по биению сердца, учитывая, что под «сканирование» попадали все теплокровные, то ещё удовольствие.

«Но в твоём случае она может оказаться очень полезной, – признал всё же Игорь. – Если решишься на побег из монастыря, сможешь смотреть в режиме реального времени кто из монахов где находится. Главное, джунгли за стеной не сканируй – оглохнешь!»

Ещё один из плюсов «биения» я понял самостоятельно. Технику можно было тренировать даже в присутствии Тени.

В процессе обсуждения этого и парочки других магических умений, мы как-то незаметно – на самом деле я аккуратно подвел к этой теме – свернули на обсуждение жизни двойника в моём мире. И сразу стало понятно, что он неплохо устроился у меня на родине. Явно магическим образом втёрся в доверие к действующему губернатору и – пресс-сек-

ретарь, на секундочку! – подмял под себя его замов. Успел замутить какой-то не совсем законный бизнес с Китаем, а в будущем планировал перебраться в Москву.

«Не развернуться мне тут, в твоём болоте, – с насмешкой жаловался он, рассказывая о чиновниках областного правительства и своих успехах. – Они у вас тут непуганные совсем! Чуть надавил и смотришь – поплыл, болезный! Бери и делай с ним, что хочешь!»

Я, слушая его, улыбался. Представлял себе, как чиновники моего мира, привыкшие к покровительству закона, сталкивались с хищником иной Параллели, для которого человеческая жизнь не была неприкосновенной. Сталкивались и пасовали, потому что один хищник всегда чувствует другого, более сильного. Никто ведь и подумать не мог, что за внешностью выпускника журфака скрывается не чернильная душа, а настоящий аристократ: умный, властный и жестокий собственник. Которого воспитывали правителем страны, но отправили в ссылку.

«Ты там не убил никого?» – в шутку спросил я у него.

«Да кого там убивать? – вполне серьёзно возмутился двойник. – Я представить не мог, что у власти могут находиться люди без воинского стержня! Смерти боятся, в душу бессмертную не верят, хотя в храм таскаются чуть ли не на каждую службу!»

И, чуть сбавив тон, продолжил:

«Мне там всё слишком легко даётся, боюсь расслаблюсь и

стану таким же, как они. Они ведь ничего о борьбе не знают. О подковёрной, разве что. Просто тащат всё, до чего дотянуться могут».

«А сам-то? Тоже ведь с бюджета кормишься?»

«Грешен! – хохотнул двойник в ответ. – Но твой мир настолько абсурден, что я его воспринимаю как сон. А казнокрадство во сне – не преступление, согласись!»

Я не стал его убеждать, что зубастых хищников хватает и в нашем мире – не маленький, в конце концов. Да и кто мы друг другу, чтобы о морали трепаться? Пусть живёт как хочет и самостоятельно несёт ответственность за все последствия своих действий.

В общем, проболтав с двойником почти до рассвета, мы решили «расходиться». У каждого были свои дела, которые сами себя не сделают. Мне вот инку должны завтра... уже сегодня привезти.

Собравшись исчезнуть из пространства между мирами, я услышал, как он произнес мечтательно:

«Контрабанду бы между мирами наладить! Я бы тут такого наделал!»

Усмехнулся – горбатого могила исправит! – и вернулся в келью досыпать.

Девушка, глазами которой я смотрел на горы в чёрт его знает скольких километрах от моей темницы, оказалась настоящей крохой. Ростом вроде даже ниже полутора метров, с

лицом худым и болезненным, на котором только глаза горели двумя чёрными звёздами. Одетая совсем не по здешней погоде: сапоги, плотные штаны, шерстяное пончо и шляпа с широкими полями, она испуганно оглядывалась по сторонам. Рядом с ней монахи оставили два массивных деревянных ларя – надо полагать, хранилища кипу.

Доминик, коршуном крутящийся вокруг девчонки, с довольным видом представил индианку.

– Знакомьтесь, Игорь! Наша новая гостья – Куава. Русско-го она, к сожалению, не знает, но вполне сносно изъясняется на латыни.

Выглядел магистр как вампир, насосавшийся крови – удовлетворённый и благодушный. И говорил, кстати, на латыни, явно для того, чтобы пленница понимала смысл его слов.

– Нет радость, демон! – отозвалась инка, сверкнув глазами. Церковный язык она знала, но изъясняться на нём могла на уровне средней школы. – Ты не узнать я ничто! Знания мой народ умереть как я вместе!

На меня Куава смотрела с той же ненавистью, что и на других католиков. Оно и понятно – я с ними беседую, как равный. Даже одет в такую же хламиду, как и остальные.

– Видите? – с умилением кивнул в её сторону старикан. – Предки этого милого ребёнка озаботились, чтобы она знала язык врага.

– Зря вы так с ней, падре, – скрывая истинные эмоции, сказал я на русском. – Мне же с ней ещё работать, а вы её

сразу против настраиваете.

– К каждому человеку можно подобрать ключик, Игорь, – со значением ответил Доминик. Он явно намекал на моё согласие сотрудничать. – Я заинтересован забраться в эту маленькую головку не меньше вас. Не терпится сделать это прямо сейчас – не представляете, какие сокровища там хранятся!

Я сморщился – магистра можно было понять – потомок уничтоженного врага, со всеми секретами уничтоженного, казалось бы, народа. А католики, если что и ставят прежде жажды власти, так это знания.

– Уже есть идеи насчёт ключика?

– Для начала попрошу вас посмотреть её линию, то есть нить...

– Святой отец, это не совсем так работает!..

– Но с фотографией Луки у вас же вышло?

– Скорее, мне повезло, – правда повезло. Или это в «интересах» поля было? Если такое допустимо сказать про нечто нематериальное.

– Но вы попробуйте, хорошо? Стоит убедиться, что у вас не получилось, прежде чем переходить к иным методам.

Он так кровожадно это произнес, что мне заранее стало жаль девчонку. И захотелось, чтобы мой метод сработал. Потому как совершенно я совершенно не желал узнавать, какие ключики магистр собирается использовать на девчонке.

Внутренний голос – капитан Своевременность! – тут же

сообщил, что это я виноват в судьбе Куавы. Я на него шикнул, цинично оправдывая себя незнанием истинного положения дел и отношения между инками и католиками. Случайная жертва, которую я не вполне по своей воле впутал в этот клубок. На душе, впрочем, остался довольно мерзкий осадок.

– Попробую, – отозвался я. – Могу прямо сейчас и начать.

– Замечательно! А мы пока разместим нашу гостью.

В инфополе я входил в подавленном состоянии. Склонность к самокопанию в очередной раз вылезла когда не надо, усугубляя чувство вины, делая и без того скверное положение дел совсем паршивым. И пространство, заполненное нитями, словно почувствовало настрой, отреагировав соответственно. Рассыпалось калейдоскопом цветов и пропало. Оставив меня висеть в полнейшей пустоте.

– Ну и тебе спасибо! – в сердцах рывкнул я, вернувшись в тело. – Только твоих демаршей мне не хватало!

В келью тут же сунулся Тень, пожелавший узнать, что вывело меня из себя. Я едва сдержался, чтобы не запустить в него пульсаром. Хорошо что не стал – демонстрация раздражения не принесла бы ни результата, ни пользы.

В течение часа я пытался войти в инфополе ещё шесть раз, и каждый опыт завершался как и первый. Короткий миг сложнейший узор держался перед глазами, после чего уносился за границы зрения отсутствующим здесь ветром. Я медитировал, очищал свой разум от посторонних мыслей,

представлял себя каплей воды, скользящей по листу – бесполезно! Ни один из способов не работал!

Подкрался страх. Парализующий душу, разум и тело. Поведение поля объяснялось просто – я утратил контроль над даром! Стал таким же, как моя наставница – сломанным пророком! Никому без дара не нужный. Бесполезный балласт! Стоит магистру узнать об этом, вся моя наивная попытка играть против него, сама игра, по сути, станет просто набором детских кубиков, разбросанных рукой раздражённого ребенка.

Но почему? Что такого я сделал? Разум тут же услужливо нарисовал фотографию индианки, глядящей на меня с ненавистью. Из-за неё? Но... Как это вообще может быть связано с даром? И потом – я тут причём? Это Доминик виноват, он что-то вложил мне в голову, заставив рассказать о существовании инки! Я бы не стал её сдавать!

«Ой ли? Она тебе нужна, чтобы получить секрет взлома пророческой защиты!»

«Но это можно было и видениях подсмотреть! Понаблюдал бы за ней и понял! Сдавать её было не обязательно!»

«Точно? Это быстрее, чем листать всю её жизнь в надежде найти нужные сведения. И проще. Махнул рукой, и доминиканцы, желающие заполучить тебя с потрохами, послушно метнулись в Куско!»

Во многом, и это было особенно неприятно, проклятый внутренний голос был прав. Можно было продолжать оправ-

дывать себя и валить вину на отца Доминика, но правда заключалась в том, что я был виноват перед этой девочкой. Именно я, а не магистр, умело воспользовавшийся моей неосведомленностью. Значит мне и исправлять. Без малейшего понимания как.

Чем дольше я размышлял на эту тему, тем больше склонялся к мысли, что мой поступок и поведение поля – явления связанные. Непонятно как, но очевидно, что именно после приезда пленницы поле стало барахлить. Это подводило к довольно неприятной мысли, что имелись некие правила работы с полем, своеобразный кодекс, нарушение которого приводило к отключению пользователя от системы. Не факт, конечно, но как версию примем.

Не придумав ничего лучше, я отправился в гости к инке. То ли прощения просить, то ли отношения налаживать – чёрт его знает! Включил навигатор марки «Альдо», и тот молча привёл меня в дальнюю часть монастырской территории, к отдельно стоящему домику. Этакой сараюшке, стены которой были сложены из местного камня и обмазаны глиной. Одинокая камера для девушки, большую часть жизни прожившей в одиночестве.

Вход охранял один монах, не сделавший и попытки задержать меня. Посторонился, пропуская меня, и я увидел, что кроме пленницы в единственной комнатке домика, находится и магистр Ордена.

– Игорь? – вскинул он брови.

Насколько я понял, ничего такого страшного он с инкой не делал. Сидел напротив неё и, перебирая разноцветные нити с узелками в одном из сундуков, сверлил её взглядом. Куава на каждое прикосновение к архиву предков реагировала, как юная монашка, которую лапает похотливый старик.

– Я хотел бы поговорить с ней, – обратился я к Доминику на русском. – Попробую наладить с ней контакт, мне это нужно для успешного изучения её нити.

– Прошу, – старик указал на лавку рядом с собой.

– Один, если вы не возражаете. Вас она ненавидит, а у меня может получиться.

Магистр некоторое время раздумывал над моим предложением, после чего согласно кивнул и молча вышел из помещения. А я, вытолкав ещё и Альдо, уселся на место падре и, как и он, тронул рукой кипу. По пальцу щелкнула статика – нити были шерстяные.

– Я не враг... – начал было я, но инка тут же прервала меня.

– Враг. Дом враг друг нет.

Опалила меня чистой ненавистью и отвернулась. Отличное начало, Антошин! Решил, что у тебя в дипломатии под сотню очков? Ты бы хоть переоделся, придурок!

– Я такой же пленник здесь, как и ты, – катнул я ещё один пробный шар. Девчонка скосила на меня взгляд и фыркнула.

– Ходить свободен. Говорить враг. Враг слушать ты. Враг.

И снова тишина. Блин, так я ничего не добьюсь! А чего,

собственно, ты хочешь добиться? Контакта? Доброго к тебе отношения? Прощения? Давай тогда, расскажи ей, по чьей вине она оказалась тут!

В задумчивости я провёл ладонью по нитям, рождая целую серию уколов статического электричества. Отдернул руку, заметив злобный взгляд инки. Затем снова потянулся к кипу и игнорируя зыркание девушки, взял одну из них и принялся разглядывать. Может это её расшевелит?

Толстая нить, практически тоненький тросик из коричневатого, вероятно, джутового волокна. Если взять его за края и растянуть, под ним повиснет борода из цветных нитей, на которых в кажущейся бессистемности раскиданы разного размера узелки. Как на таком носителе можно хранить информацию? Скользить пальцами по узлам и... что? Как шрифт Брайля, что ли? Насколько я помнил, в моём мире узелковое письмо так и не смогли расшифровать. В этом, судя по реакции отца Доминика, тоже. Он, вероятно, рассчитывал этот недостаток устранить, опираясь на носителя знаний.

Разглядывая кипу, я вдруг поймал себя на мысли, что рисунок нитей и узлов мне знаком. Миг, и чувство узнавания сменилось уверенностью. Качающиеся перед моим лицом нитки с узелками мимолетно складывались в элементы узора, виденного мной многократно в информационном поле. Да, здесь нити не переплетались друг с другом, да и вообще были насквозь материальными, но ошибки быть не могло!

Повинуясь неясному импульсу, я скользнул в поле, продолжая держать в руках растянутый джут. То есть, я попытался туда попасть, но ничего не вышло. Я продолжал сидеть в сараюшке, пялясь на инку сквозь реденькую занавеску разноцветных нитей. И в реальном мире вдруг проявился крохотный участок узора инфополя, накладываясь на кипу.

«В око-пака их ждёт лишь бесконечный холод и голод...» – прочёл я предложение, состоящее из семи узлов, расположенных на одной из нитей. Дальше чтение не пошло, узор инфополя открыл лишь часть кипу, оставив большую его часть тайной.

Зато взревел ягуаром дар, предупреждая об опасности. Подняв глаза я увидел, как крошка-инка, оскалившись диким зверем, прыгнула на меня. Всё, что я успел – это погасить инстинкты вместе с моментально возникшим в руке пульсаром – убивать дуреху я не собирался.

Девушка сбила меня со скамьи и, не замечая голубоватую защиту эфира, принялась полосовать моё лицо когтями. Я не сопротивлялся.

– Предатель! – закричала она в бессильной ярости, сообщив, наконец, что её атаки не причиняют мне вреда. – Ты кровь Инти! Ты моха-ане! Служить враг!

Глава 6

Круги на воде

Речной вокзал Благовещенска был любим Глебом по множеству причин. Опуская сугубо практические, вроде многолюдности, огромного количества укромных уголков, пяти путей возможного отхода и близкого знакомства с управляющим вокзалом, самой главной безопасник всё же считал иную, к удобству проведения встреч не имеющую никакого отношения – вид на Амур. Точнее, вид на другую сторону реки, дальний берег, на котором раскинулось Маньчжурское ханство. Являясь благовещенцем в пятом поколении, он никак не мог принять за обыденность тот факт, что не слишком широкая река разделяет не город, как в центральной части русских земель, а две страны.

Всего-то восемьсот метров – и чужая земля. С отличными от здешних правилами, законами и традициями. Пятнадцать минут на самом медленном речном трамвайчике – и тебя окружают иностранцы, в глаза бьют вывески на пограничном суржике, и со всех сторон слышна чуждая речь. Азия – только руку протяни. На завтрак времени больше потратишь, чем до неё добираясь. Вот он – Восток. А тут – Запад. Разделённые всего лишь серо-стальной лентой реки.

И, при этом, если выехать за город, подняться на воз-

вышенность километрах в семи-восьми и посмотреть через Благовещенск на маньчжурский Айгун, покажется, что смотришь ты на один город. Не сможешь найти ту линию, что разделяет два населённых пункта. И два государства.

– Что за знак ты мне подаешь, назначая встречу здесь?

От мыслей об уникальности своей родины Глеба оторвал голос невысокого средних лет минца, с крупным пятном на лице, лишённом пигмента.

– Здравствуй, Пэнь.

– Витя. Я уже давно привык откликаться на русское имя.

– Гражданство сменить не желаешь?

– Ты за этим меня позвал?

– Не только. Как дочка? Выдал замуж?

– Обсуждаем приданое с родителями. Жуткие скряги!

– Лучше три сына...

– Чем одна дочь! Переходи к делу, Глеб! У меня дел полно!

– Информация по моему заказу?

– Если бы братство что-то нашло, я бы сам назначил встречу.

– Вторая неделя на исходе.

– Ты не обозначил даже континент! По твоему, это легко?

– Откуда мне знать? Не я торгую информацией.

Витя, или Гуань Пэнь, был представителем международной криминальной организации, известной образованным обывателям как Триада. Не той, которую иногда упоминают

в кино бездарные режиссёры, изображая братство минскими бандитами-беспредельщиками, а настоящей, созданной буддийскими монахами ещё в средневековье. С жёсткой, практически армейской дисциплиной, неясными целями и впечатляющими возможностями по обе стороны закона.

Братство не лезло на глаза властям, но и не пряталось особенно. В том же Благовещенске, да и в других княжествах, Самойлов был в этом уверен, Триада следила за порядком в минской и маньчжурской общинах, выступая одновременно и полицией, и судом, и, при необходимости, палачом. От этого и преступлений в общине, или совершенных их членами, жандармерия практически не регистрировала.

Глеб отлично помнил, как он познакомился с Витей. Он тогда только начал работать следователем и с огнём в глазах вёл своё первое дело об убийстве. Подозреваемым был минец, отправивший на встречу к предкам русского купца из не особенно значительных – купи-продай-привези. У жертвы и убийцы случился конфликт по товару, свидетели утверждали, что русский банально кинул минца, продав залежавшееся на складах. А тот, набравший под сделку кредитов у соотечественников, прогорел.

Фактически, бытовуха. Не расследование, а поиск сбежавшего и спрятавшегося у кого-то убийцы. Осложняемое тем, что минцы своих жандармам не выдавали. Резко забывали язык, на котором только что прекрасно расхваливали товар, обнаруживали провалы в памяти на фоне чрезмерного по-

требления байцзю или просто становились недвижимы, что твой Будда под тем деревом.

На третий день поисков к Глебу, вышедшему подышать на крыльцо возле управления, подошли трое минцев. Точнее, подошли двое, третьего скорее подтащили. Передали его, безучастного ко всему, на руки следователю, сообщили, что это и есть искомый душегуб, и, оставив визитку, ретировались. Предварительно заверив, что будут готовы помочь, если у уважаемого Глеба Вячеславовича возникнут какие-то затруднения в работе с общинами.

Убийца на допросе охотно сотрудничал, рассказывая в деталях о совершенном преступлении. К концу дня Глеб закрыл дело. И впервые за всю жизнь в родном городе задумался, что ни черта он о нём не знает. Что, в конечном итоге, и определило его развитие как следователя.

И теперь именно к Триаде, к старому знакомцу, представляющему братство в Благовещенске, обратился Глеб в поисках места, где могли бы держать похищенного Игоря. Оплатил недешёвые услуги минцев из княжеской казны, но результата до сих пор не получил. Начал нервничать, и сам пригласил Витю на встречу. Обычно он так не поступал, предпочитая забегать вместо этого в принадлежащий минцу ювелирный отдел в одном из торговых центров.

– С этим твоим боярином постоянно какие-то проблемы, – минец дал понять, что имеет в виду историю почти двухмесячной давности, когда Антошин сперва оплатил

Триаде нападение на самого себя, а затем пришёл к исполнителю выяснять личность заказчика. Вите тогда скормили версию, что боярина контузило, и он потерял память. Не информировать же его о двойниках, параллельных мирах и прочих мистических событиях?

– Такой человек, что уж тут поделаться... – кивнул Самойлов и тут же сменил тему. – Витя, я очень заинтересован в положительном результате. Если нужно как-то стимулировать...

– Ты достаточно нас простимулировал, – весьма жестко оборвал его mineц. – Нет нужды зажигать второй очаг, чтобы вскипятить воду в одном котле. Просто отпусти и дай людям делать свою работу.

Сразу после отповеди, Витя вновь вернул на лицо маску мелкого торговца золотом и бижутерией: открытая улыбка и искательное заглядывание в глаза.

– Подожди. И не дай братству подумать, что вмешиваешь его в дела государств. Ты же знаешь правила.

Глеб досадливо сморщился, но кивнул, соглашаясь. Триада принимала любые заказы: кража информации и имущества, убийства, похищения, но никогда не брались за дела, связанные с политикой и наркотиками. С кучей нюансов и оговорок, естественно, но у международных преступников был свой свод правил.

– Это не дела государств, Витя... Не совсем дела государств.

– Конечно, Глеба-друга! – тут же спаясничал mineц. – Моя всё узнавай, всё понимай! Искать родич – всё просто! Нет политика!

Самойлов снова кивнул, уже менее безрадостно. Это и были те самые нюансы и оговорки в кодексе Триады. С какого, что называется, угла посмотреть: второе лицо княжества было похищено папистами на территории империи Мин или племянника важного человека украли неизвестные? Чистая политика, за которую братство никогда не берётся, или хорошо оплаченная услуга безо всякой подоплеки? Mineц с русским именем Витя выбрал вторую трактовку.

– Что-то хоть можешь сказать? – без особой надежды спросил Глеб у Вити.

– Что-то могу, – возвращаясь к хорошему русскому, ответил тот. – Его точно нет там, где есть минские общины.

– Вы же по всему миру живете!

– Нет, что ты! Информация об этом очень сильно преувеличена!

– А есть карта общин?

– Сколько ты готов заплатить?

– То есть – есть?

– Нет, зачем она нам? Но для такого щедрого заказчика я найду лучшего этнографа и картографа!

– Витя, у меня друг в плену уже слишком долго. Я не настроен на шутки.

– Друг?

Простой вопрос сбил Глеба с ритма беседы. Он сказал «друг»? Не коллега, не родич князя? Значит он и в самом деле считал боярина из княжеского рода и пришельца из иной Параллели другом? Хороши новости...

Он никогда об этом не задумывался, не облекал существующее в слова. Вместе шли – да. Помогали друг другу – тоже да. Спасали жизни, закрывали от удара. Спорили, ругались даже, но приходили к компромиссу. Но друг? Это знак равенства, как ни крути, а может ли он стоять между простым сыскарем и пророком? Выходит, что может...

– Да, – спокойно сказал Самойлов. – Друг.

– Я свяжусь с братьями. Отзвонюсь вечером.

– Спасибо. Только лучше пиши, я вечером буду на трассе в Хабаровск.

– Переезжаешь?

– Командировка.

– Хорошо. Напишу.

Минец кивнул Глебу на прощанье и заторопился к выходу. Движения его вновь приобрели некую торопливую неловкость, свойственную людям невысокого социального статуса. Улыбчивый торговец, готовый раскланиваться с каждым, а вовсе не представитель таинственного и могущественного братства.

Проследив за тем, как спина Вити последний раз мелькнула у дверей вокзала, Глеб вернулся к своим мыслям. Точнее, к поездке в союзное княжество.

Два дня назад в Хабаровске был убит профессор Якуб Гурский. Светило теоретической физики, автор множества научных книг, прочитав которые и при этом понять смысл написанного смогли бы человек двести во всём мире. Создатель и бессменный руководитель Восточного Исследовательского Центра, расположенного на землях Хабаровского княжества. Человек, по словам князя Пояркова, сделавший для современной науки больше, чем всё ныне живущее поколение. Семидесятилетний старик, охраняли которого лучшие маги дальневосточных княжеств, был задушен в собственной квартире. Красным шнуром.

Тело Гурского обнаружили утром в кабинете, сидящим в кресле возле журнального столика. Он был в домашнем костюме и держал на коленях раскрытую книгу. Судя по фотографиям с места преступления, учёный отдыхал в одиночестве, когда убийца накинул ему на шею удавку. Тот ничего не успел понять и тем более сделать – шнуром ему сломали шею быстрее, чем он задохнулся.

Особняк учёного располагался на окраине академгородка Центра, вдалеке от прочих построек. Здесь имелся небольшой штат прислуги, которая ничего не видела и не слышала. Ничего не заметила и охрана Гурского – два дежурных дружинника Хабаровского воеводства. Не сработала магическая сигнализация, показывая полную исправность проверяющим техникам. Убийца просто пришёл, задушил учёного и ушёл. Не оставив никаких следов.

Всё, начиная от личности убитого и заканчивая местом совершения преступления, просто кричало о нереальности произошедшего. И ставило перед следствием множество вопросов, на которые у них пока не было ответов. Как убийце – или убийцам – удалось проникнуть в особняк и спокойно уйти? Почему нападение проспала охрана? Как исправные защитные артефакты пропустили злоумышленника? И кому, наконец, нужно было убивать учёного, даже косвенно не связанного с политикой и изобретением оружия? Квантовая физика, причём не прикладная, а самая что ни на есть теоретическая, никак не тянула на мотив.

Объединённое Бюро Расследований Триумvirата имело в своём штате множество хороших специалистов, включая с десяток одарённых. И все они были брошены на выяснение обстоятельств смерти научного светила и поиски его убийцы. Зачем в следственной группе понадобился безопасник из Благовещенска, Глеб сперва не понял. Только читая высланные ему материалы дела, сообразил – из-за того самого красного шнура. Орудие убийства на фотографии выглядело очень похожим на то, которым были задушены подопытные ваны в капсулах и их охрана, когда он вместе с Игорем был в Гуанчжоу.

– А Антошин? – спросил Самойлов у князя, когда тот приказал ему отправиться к союзникам и войти в следственную группу ОБР. – Я вот-вот нащупаю след.

Спросил спокойно, без надрыва и обвинений. Понимая,

что поисками племянника Поярков озабочен никак не меньше какого-то там следователя.

– Всё, что мог сделать, ты сделал, Глеб Вячеславович, – ответил князь терпеливо. Так же понимающий, что для Глеба поиски Игоря стали навязчивой идеей. Вассалу можно ничего не объяснять, ограничившись приказом, но поступать так с человеком, который взвалил на себя одну моральную ответственность за похищение пророка, не стоило. – Поиски продолжают без тебя. Ты нужен в Хабаровске. Ты же видел удавку.

Поярков был в деталях знаком с похождениями команды за границей, знал и про красный шнур неуловимого убийцы. Параллели провести – гением быть не нужно. Скорее всего, он сам вышел на ОБР, а может и на самого Хабарова, сообщив о следователе, который уже сталкивался с возможным убийцей учёного. Только Самойлов всё равно считал, что владетель Благовещенска просто отсылает его, желая прервать выжигающие душу поиски Антошина. Наверное, одержимость следователя стала пугать?

– Я сказал, что ты наш лучший следователь из одарённых, – подсластил пилюлю князь. И тогда Глеб окончательно понял, что его именно отсылают. Причём в уверенности, что спасают от профессионального выгорания – недавно разговор об этом состоялся и с воеводой Евсеевым.

Следователь хотел было сказать, что никакой он не лучший – уж свои-то возможности он знал лучше прочих. А по-

том сообразил, что «из одарённых» Поярков добавил не случайно. Других следователей с даром в княжестве не было, так что выходило, что он и правда лучший следователь. Из одарённых.

– Сделаю, княже, – поклонился он. – Найдём убийцу.

Опустив тот факт, что не представляет, как искать убийцу, голыми руками убившего в том ангаре в Гуанчжоу сильного мага и ушедшего, не оставив никаких следов, кроме проклятой красной верёвки.

Антошин назвал убийцу «видящим Экхарта», но не особенно на тему этого персонажа распространялся. Известно про него, точнее про его способности, было немного. Убийца мог, подобно тому итальянцу-видящему, заблокировать дар, а ещё предвидел будущее. Не как пророк – хотя как это «как пророк»? – а просматривая временные вероятности на минуту или около того вперёд. Идеальный чистильщик, который знает, куда будут направлены глаза жертвы в момент, когда смерть подойдёт к нему со спины. Тень, тот самый итальянец, по словам Игоря, прошёл сквозь охрану посольства, словно был невидимкой.

Вот как такого ловить?

С другой стороны, такой преступник – профессиональный вызов для любого нормального следователя. Опустим мотивы, хотя и правда непонятно, зачем убивать талантливого ординара, который и так скоро отправится в мир иной? Поймать призрака – это деяние, возможность совершить которое

не каждому в жизни выпадает. И Глеб, поругивая себя в душе за отступничество от поисков друга, но делая это скорее для порядка, уже чувствовал, как разгорается где-то в глубине души огонёк охотничьего азарта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.